PG 3447
.Z32A17
1928

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class PGR 2653

Book 1872

YUDIN COLLECTION

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

П. В. Жадовскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1872

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ.

Zhadovskiĭ, Pavel Valerianovich

Sobranie

СОБРАНІЕ

cyk

stikhotvoreniĭ

СТИХОТВОРЕНІЙ

П. В. Жадовскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1872

PG3447
.Z32A19
1928

IR sept. 24-1973

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ.

ОЧЕРКЪ-ЭПИЗОДЪ

изъ штурма Севастополя 6-го Іюня 1855 года.

Заря едва лишь занималась;
Туманъ надъ моремъ пеленой
Густою стлался, и плескало
Чуть-чуть у берега волной.

Спалъ Севастополь, утомленный
Великой, тягостной борьбой,
Но сонъ его, былъ сонъ тревожный,—
Онъ былъ готовъ на смертный бой.

Но вотъ надъ моремъ солнце всходитъ;
Чу, гдѣ-то выстрѣлъ прогремѣлъ;
Надъ батареей дымъ поднялся,
Осколокъ бомбы прошуршѣлъ,

И оживились бастіоны:
Кто штыкъ точилъ, кто заряжалъ
Ружье, орудье, или тихо
Молитву краткую читалъ.

Мы знали, что насъ ожидало.
Ряды смыкая въ страшный часъ,
Мы всѣ молились за отчизну,
За все, что дорого для насъ.

Вдругъ грянулъ громъ, перекатился,
И канонада началась.
Съ траншей французскихъ адскимъ вихремъ
Снарядовъ туча понеслась.

Бомбардировка?! Что-жь, не новость.
Михайлычъ, старый бомбардиръ,
Наводитъ пушку — грянулъ выстрѣлъ,
И начался смертельный пиръ.

Затмился день подъ тучей дыма;
Шумъ, грохотъ, свистъ и вой.
Ну, братцы, наши говорили,
Сегодня будетъ жаркій бой.

Возлѣ меня стоялъ товарищъ,
Онъ полонъ былъ надеждъ и силъ;
Ко мнѣ склонясь, сжимая руку,
Онъ тихо, грустно говорилъ:

«Сегодня будетъ штурмъ, я знаю,
Мнѣ этотъ день не пережить,
Мой другъ, исполни мою просьбу:
Скажи тому, кого любить

Не перестану и за гробомъ,
Что исполняя долгъ я палъ,
И знай...» Тутъ лопнула граната
И онъ навѣки замолчалъ.

Но вотъ пальба замолкла разомъ,
И воцарилась тишина.
Съ траншей дымъ вѣтромъ разносило
И стала намъ тогда видна

Вся масса вражьихъ силъ; колонны
На приступъ шли, мы ждали ихъ.
Замолкли наши бастіоны,
А врагъ ужь близокъ — страшный мигъ!

Ура! валы огнемъ сверкнули,
И вихрь картечи зазвенѣлъ —
Слились всѣ звуки въ адскій гро оть,
На этотъ разъ не одолѣлъ

Насъ грозный врагъ; но много пало
И съ ихъ и съ нашей стороны
Носился паръ кругомъ кровавый;
И средь вечерней тишины

То слышенъ вздохъ, то стонъ страданья.
Іюньской тихой ночи тѣнь
Покрыла жертвы страшной битвы.
Въ природѣ нѣга, сонъ и лѣнь.

Насъ человѣкъ пять-шесть стояло,
Всѣ опаленные грозой;
По лицамъ воиновъ суровыхъ
Слеза катилась за слезой.

Вотъ трупъ товарища. Какъ молодъ,
Былъ полонъ жизни онъ и силъ;
Любимый всѣми — среди битвы
Сномъ непробуднымъ опочилъ.

Застыли съ странною улыбкой
Черты прекраснаго лица.
Ты смерть предчувствовалъ, товарищъ,
И былъ героемъ до конца.

Мы съ нимъ простились съ грустной думой,
И побрели къ своимъ мѣстамъ.
Ночь Севастополь покрывала,
Но слышенъ былъ, то здѣсь, то тамъ,

Орудья выстрѣлъ; и невольно
Тяжелымъ чувствомъ ныла грудь,
А бомба, воздухъ разсѣкая,
Огнистый оставляла путь.

9 Марта 1872.

СНОВИДѢНІЕ.

То было странное видѣнье:
По тихой блещущей рѣкѣ,
Исполненъ вѣры и отваги,
Я плылъ на утломъ челнокѣ.

Я плылъ, и чудныя картины
Ея цвѣтущихъ береговъ
Мимо меня, какъ сны, летѣли,
Какъ группы свѣтлыхъ облаковъ.

Сіяло солнце надо мною,
А вкругъ на лодкахъ, челнокахъ
Пловцы неслися въ путь далекій,
Какъ я, съ надеждою въ сердцахъ.

Я слышалъ радостное пѣнье
И поцѣлуевъ сладкій звукъ.
Такъ были молоды всѣ лица
И искренно пожатье рукъ.

Но вотъ становится быстрѣй
Рѣки таинственной теченье;
На многихъ лодкахъ стихли вдругъ
Звукъ поцѣлуевъ, смѣхъ и пѣнье.

Какъ будто чѣмъ-то смущены
Пловцы поникли головами,

Всѣ какъ-то грустно смотрятъ въ даль;
Глаза туманятся слезами.

Быстрѣй, быстрѣй течетъ рѣка,
Исчезли свѣтлыя картины
На берегахъ, и вмѣсто нихъ
Лежатъ безплодныя равнины.

Какъ будто буря пронеслася
Надъ этой мертвою страной.
А мы, пловцы, впередъ несемся
Неудержимой быстриной.

Пловцы всѣ страшно измѣнились;
Ихъ старческій печальный видъ,
Взоръ безнадежный, иль угасшій.
Все о страданьяхъ говоритъ.

Впередъ, впередъ мы вихремъ мчимся,
И вотъ вдали безъ береговъ
Чернѣетъ море вѣчной ночи —
Тамъ міръ безъ образовъ и сновъ.

Рѣка, вливая свои волны
Въ тотъ безпредѣльный Океанъ,
Стихаетъ въ мигъ, и насъ скрываетъ,
Всѣхъ безконечности туманъ.

И прогремѣлъ ужасный голосъ —
То не стихій былъ грозный споръ —
То намъ, пловцамъ земной юдоли,
Судья изрекъ свой приговоръ.

Ярославль. Декабрь 1868.

ДРУГУ.

Вотъ на небѣ заря догораетъ,
Кони мрака ужь мчатся стрѣлой,
Всякій трудъ свой скорѣе кончаетъ,
Скоро міръ весь покроется мглой.

Блѣдный свѣтъ свой луна разливаетъ,
Сыплетъ призраки, грезы и сны.
И мечтатель влюбленный вздыхаетъ,
Милый образъ зоветъ съ вышины.

Чьи же кони такъ бѣшено мчатся,
Нарушая всеобщій покой?!
А вкругъ нихъ подъ луной серебрятся
Чьи-то тѣни прозрачной толпой.

Въ колесницѣ сидитъ онъ угрюмый;
Тучи мрака на скорбномъ челѣ.
Онъ одинъ съ своей вѣчною думой,
Не довольный ничѣмъ на землѣ.

Онъ не вѣритъ, что тайныя силы
Высшей силой кругомъ разлиты;
Что за мракомъ холодной могилы
Ждетъ насъ свѣтъ неземной красоты.

Да и здѣсь, средь борьбы и страданья,
Лучъ надежды намъ блещетъ порой;
Наши думы, любовь и желанья
Обновляются жизни игрой.

Вотъ кругомъ его сны золотые,
Всѣ на радужныхъ крыльяхъ своихъ.
Слышны въ воздухѣ звуки святые
А онъ грустенъ, печаленъ и тихъ.

Мчатся бѣшено кони сомнѣнья
Безъ надежды впередъ и впередъ!
Да блеснетъ же заря Воскресенья,
И въ чертогъ его свѣтлый введетъ!

Кострома. Декабрь 1867.

НА НОВЫЙ ГОДЪ, НА 1869.

(Г. Г. Волкову).

Огромный залъ; все блещетъ въ немъ;
Оркестра звуки раздаются;
Толпы веселыя кругомъ;
Почти всѣ шутятъ и смѣются.
Вдругъ стихло все — вотъ полночь бьетъ —
И наступаетъ новый годъ.

Бокалы пѣнятся виномъ,
И раздаются поздравленья —
Желанья счастья, а потомъ
Пожатье рукъ; и безъ сомнѣнья
Надѣются, что новый годъ
Всѣмъ счастье въ жизни принесетъ.

И годъ прошелъ, пришелъ другой.
Мгновенье въ вѣчности пропало.
Но гдѣ жь напитокъ дорогой?
Гдѣ то, что сердце такъ искало?
Нѣтъ ничего, а жизни ходъ
Неудержимъ и въ новый годъ.

И каждый новый годъ ступенью
Мы ближе къ вѣчности нѣмой;
Вся жизнь промчится легкой тѣнью,
И возвратимся мы домой.
Домой? Но что насъ дома ждетъ —
Того не скажетъ новый годъ.

Такъ прочь же шумъ и ликованье —
Обычай свѣтской суеты!
Вѣдь каждый день есть ожиданье
Всѣхъ благъ и всякой красоты.
Пускай же каждый новый годъ
Насъ въ путь готовыми найдетъ.

31 Декабря 1868.

* * *

Когда отъ годовъ и страданій
Твои измѣнятся черты,
Отъ свѣтлыхъ надеждъ и желаній
Останется мракъ пустоты.

И взглянешь ты трезво и строго
На жизнь и ошибки твои.
О, вспомни, какъ глупо и много
Мечтали мы въ годы любви!

Да будутъ же всѣ заблужденья,
Ошибки души молодой,
Не больше, какъ тѣнь сновидѣнья,
Цвѣтокъ, унесенный водой!

Но помни, что мы до могилы
Въ душѣ бережемъ и хранимъ
Тотъ образъ, таинственно милый,
Что въ первый разъ нами любимъ.

1869.

---

* * *

Хочу сохранить мои думы,
И память тѣхъ сновъ и тѣхъ грезъ,
Что въ юные годы, когда-то,
Такъ много мнѣ стоили слезъ.

Увядшій цвѣтокъ на страницѣ,
И локонъ ея и портретъ;
Вѣдь въ нихъ ароматъ сохранился
Того, чего больше ужь нѣтъ.

Пусть все, что душа не забыла,
Со мною въ могилѣ замретъ.

Отрадная память былаго
Со мною путь жизни пройдетъ.

И вотъ на лицѣ ужь морщины,
Въ моихъ волосахъ сѣдина;
А сердце бушуетъ, какъ прежде,
Не хочетъ забвенья и сна.

1869.

КЪ РОДИНѢ.

(Е. В. Б.)

О, родина моя, какъ я любилъ
Твоихъ степей таинственную даль.
Въ твоихъ лѣсахъ безмѣрныхъ я бродилъ,
И было мнѣ всегда чего-то жаль.

Я видѣлъ, какъ надъ тощею землей,
Политой потомъ тяжкаго труда,
Качался колосъ чуть-чуть налитой.
Тамъ межъ хлѣбовъ всходила лебеда.

Безсильный трудъ! Съ природою суровой
Всегда велась неравная борьба.
Крестьянинъ нашъ, на всѣ бѣды готовый
Былъ терпѣливъ. Но сжалилась судьба —

Промчалась тѣнь свободы и надъ нами,
И лично сталъ свободенъ нашъ народъ.
Но спятъ поля, политыя слезами,
И не дозрѣлъ духовной жизни плодъ.

Межъ нами свѣтъ науки чуть мерцаетъ
И души темныя соотчичей моихъ
Едва-едва во мракѣ освѣщаетъ.
Да, не насталъ еще великій мигъ,

Когда свобода духа насъ коснется
И слово правды смѣло загремитъ;
Нашъ гражданинъ отъ лести отречется
И массу силъ враждебныхъ побѣдитъ.

Но до тѣхъ поръ, отчизна дорогая,
Твоихъ сыновъ великихъ скованъ духъ.
Потомковъ нашихъ участь ждетъ другая —
Тогда воскреснутъ силы твои вдругъ.

Теперь прощай, о родина моя!
Я уношу печаль мою въ чужбину;
Свободной жизни тамъ бѣжитъ струя.
Я вижу необъятную равнину;

На мысли нѣтъ тамъ цѣпи роковой;
Тамъ правда произносится безъ страха.
Живетъ народъ тамъ съ умной головой;
Онъ родину свою создалъ изъ праха.

Но все-жь мнѣ жаль покинуть тѣ мѣста,
Гдѣ время дѣтства свѣтлаго промчалось.
Пусть все прошло, какъ призракъ, какъ мечта:
Ну что-жь, что сердце много настрадалось.

За то не разъ и чудныя мгновенья
Я испыталъ. И вотъ, теперь съ мольбой,
Бросаю взглядъ любви и сожалѣнья
На все, чей образъ уношу съ собой.

Прощай отчизна! Часъ ужь мой пробилъ.
Попутный вѣтеръ парусъ надуваетъ.
Въ моей душѣ борьба надеждъ и силъ,
А сердце грусть невольная сжимаетъ.

18 Марта 1872.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

(Ѳ. Ѣ. Ѳ.).

Да, пѣсня давно та поется:
Какъ милую милый любилъ,
Какъ клятвы свои онъ нарушилъ
И бросилъ ее и забылъ.

Но смыслъ этой пѣсни глубокій:
Не вѣрить слезамъ и словамъ;
Что рѣдко здѣсь счастье дается
Съ любовію истинной намъ.

Когда же, какъ сонъ, пронесется
Полжизни надъ нами, тогда

Не разъ мы вспомянемъ былое,
Все то, что прошло навсегда.

И горькія жизни ошибки
Оплачемъ мы горькой слезой,
А сердце съ тоскою забьется,
Какъ билось оно предъ грозой.

Мы вспомнимъ, кого мы любили,
Кого обманули не разъ.
Всѣ милыя тѣни воскреснутъ,
И взглянутъ съ укоромъ на насъ.

И благо, когда Провидѣнье
Намъ вѣрнаго друга пошлетъ,
А онъ на сердечныя раны
Надежды бальзамъ изольетъ.

И скажетъ, что можно прощенье
Отъ всѣхъ нашихъ жертвъ получить;
Что прочной и вѣчной любовью
Мы можемъ еще полюбить.

Мнѣ слышится голосъ той пѣсни:
Какъ милую милый любилъ,
Какъ клятвы свои онъ нарушилъ
И бросилъ ее и забылъ.

24 Марта 1872.

ВОЛНЫ ЖИЗНИ.

(Н. А Шторху).

Капризны, причудливы волны
На жизненномъ морѣ, порой;
Качая, онѣ навѣваютъ
Надеждъ обольстительныхъ рой.

Сначала такъ радостно свѣтитъ
Намъ солнце; блестятъ небеса
И легкій зефиръ надуваетъ
Мечтаній и грёзъ паруса.

Мы чувствуемъ — жизни потоки
Намъ льются въ могучую грудь.
Мы точно цари мірозданья —
Широкъ и отраденъ нашъ путь.

Такъ много въ душѣ нашей силы,
Что мы вызываемъ на бой
Весь свѣтъ съ его злобой холодной;
Помѣряться жаждемъ съ судьбой.

Но вотъ всколыхнулися волны,
И сводъ помрачился небесъ;
Тогда начинается битва;
Лучъ свѣтлой надежды исчезъ.

О, буря, житейская буря!
Предъ мощью твоей роковой

Безсильны мы всѣ, и невольно
Склоняемся долу главой.

Измучены битвой безплодной,
Утративъ душевный покой,
Мы тщетно за якорь надежды
Хотимъ удержаться съ тоской.

А жизни кипящія волны
Бросаютъ насъ взадъ и впередъ!
И все потерявъ дорогое,
Мы ждемъ, какъ придетъ нашъ чередъ.

Какъ ангелъ покоя къ намъ тихо
Слетитъ, и забвенья покровъ
Наброситъ на всѣ наши муки,
И сонъ намъ пошлетъ, но безъ сновъ.

26 Марта 1872.

* * *

Хочу забыться я съ мечтой.
Мнѣ нуженъ садъ и кустъ сирени.
Цвѣты и нѣга лѣтней тѣни,
И лучъ, лучъ солнца золотой!

Я буду слушать птичекъ пѣнье;
Я буду сладостно дремать;
Пусть жизнь пройдетъ, какъ сновидѣнье;
Мнѣ надо сердцемъ отдыхать.

Пусть пролетаютъ предо мною
Всѣ тѣни прошлаго, въ тиши,
И все, что жизненной весною,
Лелѣялъ я отъ всей души.

Подъ вѣтра тихое дыханье
Я встрѣчу ночи тишину;
Взгляну на листьевъ колыханье
И непробуднымъ сномъ засну.

27 Марта 1872.

УЗНИКЪ.

Ни тьма, ни свѣтъ, а мгла кругомъ.
Чуть брежжетъ призракъ дня въ окно.
Съ холоднымъ, сумрачнымъ лицомъ
Онъ говоритъ: мнѣ все равно,
Тюрьма иль смерть, лишь бы не жить,
Когда теперь безсиленъ я.
Разбилась утлая ладья,
И мнѣ врагамъ не отомстить.
А месть за родину сладка.
Закована моя рука,
И цѣпь тяжелая гремитъ.
Но даже въ вѣчной тьмѣ ночной,
Могильной полной тишиной,
Неукротимый духъ кипитъ
Въ моей груди. Воспоминанье
Рисуетъ образъ милый мнѣ,

Погибшій въ дальней сторонѣ.
Я помню, другъ, твое желанье:
Все въ жертву родинѣ принесть.
Все потерявъ въ борьбѣ безплодной,
Живой мертвецъ въ тюрьмѣ холодной
Я сохранилъ лишь только честь.
Тѣнь дорогая! Въ то мгновенье,
Когда мой смертный часъ пробьетъ,
Слети ко мнѣ, какъ сновидѣнье.
Пускай надежда мнѣ блеснетъ,
Что я за всѣ мои страданья
Найду забвенье и покой;
Съ земной разстануся тоской,
И стихнутъ муки ожиданья.

22 Марта 1872.

ГРОТЪ.

Въ старомъ паркѣ таинственный гротъ;
Тамъ вечерней порою, весной,
Я любилъ помечтать безъ заботъ,
Наслаждаясь прохладой ночной.
Гдѣ-то близко свисталъ соловей;
Лунный свѣтъ, какъ каскадъ серебра,
Разсыпался сквозь листья вѣтвей;
Вся природа была такъ щедра.
Но и я былъ такъ молодъ душой,
Что не вѣрилъ, чтобъ блескъ красоты,

Зло и гибель скрывая порой,
Намъ дарилъ лишь пустыя мечты.
Въ старомъ гротѣ на влажной стѣнѣ
Одно имя я вырѣзалъ разъ,
И съ тѣхъ поръ я горѣлъ, какъ въ огнѣ,
И надѣлалъ не мало проказъ,
Да, съ тѣхъ поръ неотступно за мной
Взглядъ насмѣшливыхъ, чудныхъ очей
Все слѣдилъ, точно призракъ ночной;
Чей-то голосъ журчалъ, какъ ручей.
Этотъ голосъ блаженство сулилъ,
А потомъ вдругъ насмѣшкой звучалъ,
Но его я такъ страстно любилъ,
Хоть онъ душу мнѣ всю истерзалъ.
Много лѣтъ пронеслося съ тѣхъ поръ;
Въ буряхъ жизни я весь посѣдѣлъ;
Но ни разу ни чей уже взоръ
Мое сердце, какъ тотъ, не согрѣлъ.
И вотъ случай, иль злая судьба,
Привела меня вновь въ этотъ гротъ;
Но не ждетъ ужь меня тамъ борьба —
На душѣ много лѣтъ и заботъ,
Да и сердце остыло во мнѣ.
И склонясь головою сѣдой,
Я сижу; вдругъ въ ночной тишинѣ —
Звукъ знакомый, любви молодой.
То прошедшаго тѣнь пронеслась;
Сердце сжалося страшной тоской.
Но вотъ утра заря занялась,
И я, голову сжавши рукой,
Безъ оглядки изъ грота бѣжалъ,
А за мной демонъ злой хохоталъ.

20 Марта 1872.

Е. В. БОГДАНОВИЧУ.

Мнѣ вспомнились степи Украйны,
Съ ихъ дѣвственной, чудной красой,
Душистыя травы, въ часъ утра
Сверкавшія чистой росой.

А въ полдень, какъ солнце лучами,
Всю дальнюю степь обольетъ,
Тамъ чудная тишь наступаетъ,
И жизнь вся какъ будто замретъ.

Васъ клонитъ невольная дрема,
И видятся странные сны:
То черныя очи сверкаютъ,
То льется къ вамъ звонъ съ вышины.

Но вотъ надъ землей раскаленной
Вечерній пахнулъ вѣтерокъ,
Вся степь оживилась мгновенно,
Пьетъ жадно прохладу цвѣтокъ.

Вспорхнули и птички, ихъ пѣнье
Далеко надъ степью звенитъ;
А солнце все ниже и ниже,
И тѣнь ужь ночная бѣжитъ.

Заря угасаетъ; курганы
Вдали задымились; съ небесъ
Сверкнули вотъ звѣзды ночныя,
Трава зашумѣла, какъ лѣсъ.

Проносится вѣтеръ надъ степью,
Съ нимъ странныя тѣни летятъ;
Все жизнью таинственной полно;
Съ цвѣтами цвѣты говорятъ.

Какіе-то звуки въ курганахъ;
Какіе-то вздохи кругомъ;
И кажется призраки ходятъ
По степи во мракѣ ночномъ.

Я помню васъ, степи Украйны,
И ночью и въ утренній часъ.
Все ѣъ васъ такъ свѣжо и отрадно
И дышетъ свободой на насъ.

31 Марта 1872.

СТАРЫИ МОРЯКЪ.

Онъ долго плавалъ по морямъ
И видѣлъ много дивъ.
Онъ честенъ былъ и добръ душой,
Но былъ ли онъ счастливъ?

Не разъ видалъ онъ смертный шквалъ
И бездну подъ собой.
Онъ сжился съ моремъ, съ кораблемъ
И вѣчною борьбой.

Неустрашимый въ смертный часъ,
На бой летѣлъ онъ львомъ,
А послѣ кротокъ былъ и тихъ
Въ кружкѣ друзей родномъ.

И мчался такъ за годомъ годъ,
Какъ за волной волна.
И вотъ ужь волосъ въ немъ сѣдой,
А жизнь все не полна.

Какъ дожъ обвѣнчанъ съ моремъ онъ;
Авантюристъ всѣхъ странъ.
Нѣтъ ни жены, нѣтъ ни дѣтей,
И старъ ужь капитанъ.

Его корабль сталъ вѣтхъ и гнилъ —
Окончилъ службы срокъ.
Пора обоимъ отдохнуть —
И берегъ не далекъ.

И вотъ на берегъ онъ ступилъ;
Но еще разъ назадъ,
На свой корабль, на волнъ прибой,
Онъ бросилъ грустный взглядъ.

Уютный домикъ, садъ предъ нимъ,
Зимою камелекъ;
Но все же, думаетъ старикъ,
Теперь я одинокъ.

Сидитъ онъ куритъ предъ огнемъ,
И слышетъ шумъ волны.
А вотъ и бурный Океанъ,
И лѣтъ минувшихъ сны!

Сіяетъ чудный неба сводъ;
Волшебная страна!
Вотъ райскій островъ въ далекѣ,
И пристань тамъ видна.

Направилъ онъ туда свой бригъ.
Волна едва журчитъ,
Вотъ видны пальмы и цвѣты;
На солнцѣ все блеститъ.

И сладко стало на душѣ
У моряка тогда.
Онъ бросилъ якорь, и уснулъ
Сномъ тихимъ навсегда.

Декабрь 1871.

---

* * *

Борьба за жизнь идетъ къ концу;
Тяжелый подвигъ совершился;
И я молюсь, чтобъ возвратился
Духъ бурный къ вѣчному Отцу.
Что взялъ я въ битвѣ безпощадной,
Что пріобрѣлъ, что сохранилъ,
Съ какою думой безотрадной
Я полѣ битвы проходилъ —
Все отъ людей то будетъ скрыто.
Но я трудился сколько могъ,
Священный даръ души берегъ,

И сердце было всѣмъ открыто.
А раны страшныя, что были
Рукою злой нанесены,
Всѣ позабыты, прощены.
Такъ чувство долга, чувство чести
Я отстоялъ въ бою земномъ,
И не питаю къ людямъ мести.
Пора мнѣ въ путь, въ мой отчій домъ.
Борьба за жизнь идетъ къ концу,
Тяжелый подвигъ совершился,
И я молюсь, чтобъ возвратился
Духъ бурный къ вѣчному Отцу.

18 Мая 1871.

МІРЪ БЕЗУМЦЕВЪ.

Тревожно я бросаю взгляды
Вокругъ себя на міръ заботъ,
И предо мной, въ печальномъ мракѣ,
Соборъ безумцевъ предстаетъ.

Я вижу пышные чертоги;
Я вижу бѣдныхъ алчный взоръ;
Вездѣ обманъ, гордыня, жадность,
За блага жизни грозный споръ,

Всѣ бьются въ страшномъ озлобленьи
А цѣль вездѣ у всѣхъ одна:

Чтобъ больше денегъ, денегъ, денегъ —
Душа за деньги продана.

Тамъ молодой талантъ напрасно
Напрягъ всѣ силы для борьбы,
И не найдя нигдѣ опоры,
Онъ палъ, какъ жертва злой судьбы.

Тамъ тщетно труженикъ науки
Свой предлагаетъ умный трудъ;
Его обходятъ съ сожалѣньемъ,
Иль плату жалкую даютъ.

Вотъ раздается голосъ смѣлый
За благо родины святой, —
Но онъ замолкнетъ передъ силой
И очернится клеветой.

Вездѣ надломленныя силы,
Мечты, разбившіяся въ прахъ,
Вездѣ борьба, обманъ и зависть;
Предъ силой грубой вѣчный страхъ.

Душа и тѣло все продажно
На рынкѣ вѣчной суеты;
Оцѣнены на вѣсъ червонцевъ
Очарованья красоты.

Безсмертный духъ смѣшали съ грязью
И въ добродѣтель вѣры нѣтъ,
Сталъ человѣкъ потомкомъ звѣря,
Угасъ надеждъ великихъ свѣтъ.

Кичливый умъ, все разрушая,
Отвергъ причину всѣхъ причинъ,

И говоритъ, что въ этомъ мірѣ
Всему матерья Господинъ.

Я вижу хаосъ безнадежный:
Весь міръ въ развалинахъ лежитъ;
И надъ людской семьей великой
Злой духъ безумія паритъ.

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1872.

ГР. А. А. ТОЛСТОЙ.

Христосъ Воскресе! Солнце свѣтитъ
Такъ лучезарно въ небесахъ;
Природа къ жизни воскресаетъ
И что-то странное въ сердцахъ.

Какое чувство насъ волнуетъ
Не можемъ мы отчета дать
Но въ свѣтлый праздникъ Воскресенья
На все нисходитъ благодать.

Я въ этотъ день душой тревожной
Одинъ и тотъ же вижу сонъ.
Луга, покрытые цвѣтами,
И въ вышинѣ какой-то звонъ.

Что я лежу въ травѣ душистой
И вверхъ смотрю, а въ вышинѣ,

Въ небесной безднѣ необъятной,
Какой-то образъ зрится мнѣ.

Чудесный образъ; онъ такъ кротко
Киваетъ мнѣ и въ даль зоветъ,
И грудь такъ сладко, сладко дышетъ,
А вѣтеръ ароматъ несетъ.

Я вновь дитя, съ душою чистой,
Цвѣты, деревья — все со мной
Ведетъ бесѣду тихо, дружно,
И что-то шепчетъ въ часъ ночной.

О, милый сонъ, ты мою душу
Уносишь въ дальній, чудный міръ
Въ день Воскресенія Христова,
Когда землѣ и небу пиръ!

18 Апрѣля 1872. С.-Петербургъ.

(Н. А. Ш.).

Ходятъ по небу тучки,
Тучки весны золотыя,
Легкимъ дождемъ орошая
Пашни и рощи пустыя.

Степь не одѣлась травою,
Лугъ не покрылся цвѣтами,

Дремлютъ деревья безъ листьевъ,
Воздухъ наполненъ парами.

Но уже слышно дыханье
Вѣтра весенняго въ полѣ;
Встрѣтить готова природа
Праздникъ весенній на волѣ.

Теплыми солнце лучами
Жизнь изъ земли вызываетъ;
Мигъ — и все разомъ воскреснетъ,
Все зацвѣтетъ, засверкаетъ.

Вотъ и въ душѣ человѣка
Что-то такое творится,
Что разъяснить мы не можемъ,
Сердце къ чему-то стремится.

Жаждемъ куда-то на волю,
Видятся странныя грезы;
Тихо сгрустнется порою
И на глазахъ будто слезы.

8 Апрѣля 1872.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ВАЛУЕВУ.

Собранье думъ, душевныхъ впечатлѣній,
Что я купилъ страданьемъ и слезой,

Въ часы любви, иль свѣтлыхъ вдохновеній,
Или въ борьбѣ съ житейскою грозой.
Все вылилось въ стихахъ моихъ невольно,
Въ нихъ, можетъ, нѣтъ высокой красоты,
Но все, что сердце трогаетъ такъ больно,
Что вызываетъ свѣтлыя мечты,
Вы въ этихъ виршахъ, можетъ быть, найдете.
А въ часъ раздумья, грустною порой,
Быть можетъ, два иль три стиха прочтете,
Задумавшись надъ жизненной игрой.
Тогда слетитъ на душу вамъ отрада —
Что честно шли вы жизненнымъ путемъ,
Что всѣхъ васъ знавшихъ память — вамъ награда;
Что были вы въ величіи земномъ
Такъ мудро просты — сердцемъ и душой,
И помогая щедрою рукой,
Умѣли словомъ горе утѣшать;
Въ добрѣ не возвращаясь вспять.
Примите жь даръ, на память, отъ поэта,
Отъ сердца, благодарнаго на вѣкъ!
И будьте счастливы душою, а для свѣта
Великій, добрый, мудрый человѣкъ.

4-го Мая 1868 года. С.-Петербургъ.

---

* * *

Я вѣрилъ вамъ, друзья свободы —
Но та прошла уже пора —

Не измѣнить ужь вамъ природы.
Сорвутъ съ васъ маску жизни годы;
Въ остаткѣ будетъ мишура.

Я вѣрилъ вамъ, жрецы науки.
Я думалъ: вѣрно для добра
Простерты къ братьямъ ваши руки,
А въ васъ живутъ Манфреда муки,
И въ сердцѣ вашемъ мишура.

Я вѣрилъ вамъ, сыны фортуны.
Но жизни глупая пора
Прошла, звучатъ другія струны,
И ваши страсти и перуны —
Одна пустая мишура.

И вамъ я вѣрилъ меценаты.
Я думалъ, горы серебра
Вы раздаете для уплаты
Святого долга; ваши жь траты —
Лишь самолюбья мишура.

И вижу я, съ тоской страданья,
Что на сердцахъ людскихъ кора
Отъ эгоизма, и желанья,
И жадности безъ состраданья.
Вся наша жизнь лишь мишура.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Когда предательскія рѣчи
Изъ милыхъ устъ твоихъ лились,
Вздымалась грудь, дрожали плечи,
И кудри змѣями вились:
Я былъ невольно очарованъ.
Вдыхая страсти ароматъ;
Могучей силою прикованъ,
Я пилъ, невольно, сладкій ядъ,
Въ душѣ моей такъ было много
Любви и вѣры въ красоту;
Не повѣрялъ умомъ я строго
Меня плѣнявшую мечту.
Но часъ насталъ, завѣса спала
Съ моихъ обманутыхъ очей,
И предо мною ты предстала,
Какъ демонъ злой, съ пучкомъ бичей.
И принялъ я твои удары
Безропотно больной душой.
Я былъ достоинъ этой кары
За грѣхъ, не смывшійся слезой.
И такъ я вышелъ изъ горнила
Душею твердъ и смѣлъ умомъ.
Мнѣ тайны многія открыла
Жизнь, прежде мчавшаяся сномъ.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Жадно пьетъ земля сухая
Благотворный дождь съ небесъ,
И прохладу навѣвая
Шепчетъ съ вѣтромъ темный лѣсъ.

Ночь Іюльская такъ дышетъ
Чудной нѣгой подъ дождемъ.
Небо молніями пышетъ,
А въ дали грохочетъ громъ.

Въ часъ прохладной лѣтней ночи
Прилетаетъ много думъ.
Съ неба смотрятъ Божьи очи
И смиряютъ гордый умъ.

1859. Москва.

---

* * *

Когда тяжелыхъ думъ полетъ
Смущаетъ душу мнѣ порою.
Лежитъ на сердцѣ тяжкій гнетъ
И меркнетъ свѣтъ передо мною.
Тогда бѣгу я отъ людей
Мнѣ ихъ участія не надо,

Противенъ голосъ ихъ страстей,
Противна счастья ихъ отрада.
Ихъ смѣха, слезъ — ихъ пустота.
Я вижу въ нихъ одну лишь маску.
Ужели счастіе — мечта?
Зачѣмъ мнѣ сказывали сказку
Про міръ таинственныхъ чудесъ?
Зачѣмъ душой я уносился
Туда, откуда свѣтъ излился,
И вѣрилъ въ небеса небесъ?
Теперь, какъ вспомню въ часъ печальный
Про все, въ чемъ обманулся я —
Бѣгу я тотчасъ въ уголъ дальній
И отъ людей и отъ себя.

1859. Москва.

* * *

Зачѣмъ опять передо мною
Мелькнулъ забытый образъ твой?
Я долго спалъ моей душою
И сонъ опять прервался мой.

Ко мнѣ слетало ужь забвенье;
Темнѣли прошлыя мечты.
Вся жизнь, какъ смутное видѣнье,
Казалась мнѣ безъ красоты.

Вокругъ меня туманъ ложился:
И лишь покоя жаждалъ я.
Зачѣмъ же снова озарился
Міръ этотъ грустный для меня?

Затѣмъ ли, чтобъ опять покрыться
Тьмой безразсвѣтной навсегда?
Иль въ сонъ тяжелый погрузиться
Опять на многіе года?

Отвѣта нѣтъ, но есть сознанье,
Что такъ назначено судьбой,
Что жизнь святое испытанье,
Тяжелый трудъ — всегда съ борьбой.

1859. Москва.

* * *

Когда ударъ внезапнаго несчастья
Меня средь счастья поражалъ,
Передъ людьми, я гордаго безстрастья
Тогда личину надѣвалъ.

Я не умѣлъ смиряться предъ судьбою:
Я не умѣлъ безъ ропота сносить
Житейскаго креста съ его борьбою:
И не умѣлъ я гордость — задушить.

Но время шло, и много надо мною
Промчалось бурь, и суетой
Обманутый, я сталъ больной душою
Теперь совсѣмъ уже другой.

Я понялъ, что въ смиреніи отрада,
Что страсть пройдетъ короткимъ сномъ
И что любовь есть лучшая награда
Намъ въ жизни данная Творцемъ.

Но нѣтъ любви безъ жертвы и смиренья;
И развѣ дорогой цѣной
Не слѣдуетъ купить намъ наслажденья,
Въ которомъ весь нашъ рай земной.

1859. Москва.

---

* * *

Я часто на дѣтей смотрю съ тоскою,
Когда они, гуляя, ходятъ стройно,
Въ пухъ разодѣтыя, рука съ рукой;
Посматривая важно и спокойно,
Какъ будто взрослыя. Движенья ихъ
Натянуты, и игры ихъ не смѣлы;
И есть уже кокетство даже въ нихъ.
Ихъ личики такъ нѣжны и такъ бѣлы.
Гдѣ жъ беззаботность дѣтскихъ первыхъ лѣтъ?
Гдѣ смѣлыя и рѣзвыя движенья?

*

Все погубилъ пустой, бездушный свѣтъ!
И блекнутъ жизни юной выраженья,
Игривыя и милыя черты.
И на дѣтей ужь дышетъ жизни холодъ,
Лишая ихъ природной красоты.
О, жалокъ тотъ, кто въ жизни не былъ молодъ!

1859. Москва.

* * *

Какъ камень на сердцѣ лежитъ
Несчастье *искренняго* друга.
Слеза изъ глазъ моихъ бѣжитъ,
То горькій плодъ души недуга.
Не вижу средствъ я чѣмъ помочь,
Чѣмъ отвратить судьбы удары?
Я за себя могъ превозмочь
Всѣ наши жизненныя кары,
Но за любимаго?! нѣтъ силъ
Переносить души страданья.
Завидѣнъ мнѣ покой могилъ.
И я готовъ безъ содроганья
Перешагнуть за ту черту,
Что всѣхъ насъ тайною тревожитъ.
Найду ль я тамъ свою мечту?
Или могильный червь изгложетъ

Больное сердце безъ слѣда?
За то ужь страсти не проснутся,
А съ ними вмѣстѣ пронесутся
Печаль и думы навсегда.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Живете вы безъ нужды, безъ заботы;
О будущемъ васъ дума не томитъ.
Не знаете вы тяжести работы,
За то и сердце ваше крѣпко спитъ.
Вамъ не понять тѣхъ мелкихъ оскорбленій,
Какія бѣдность сноситъ иногда.
Не устоитъ, повѣрьте, самый геній
Противъ заботъ и тяжкаго труда;
Но еслибъ вы когда-нибудь вкусили
Тотъ горькій хлѣбъ, омоченный слезой,
Что ѣстъ бѣднякъ, тогда бы не спросили:
Кто виноватъ? О, жизненный грозой,
Видалъ я часто, силы молодыя,
Таланты, умъ, надежды, красота,
Сраженныя вдругъ гибли; а худыя
Желанья, страсти, глупость, суета
Спокойно шли; усыпанный цвѣтами
Ихъ путь былъ гладокъ; сердцемъ никогда
Они не плакали горючими слезами;
И хлѣбъ ихъ бѣлъ и вкусенъ былъ всегда.

Желаю жь вамъ и сна и апетита!
Когда же часъ послѣдній вашъ пробьетъ: —
Узнаете, что счастье не защита
Предъ Тѣмъ, Кому придется дать отчетъ.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Я взлелѣянъ нуждой и несчастьемъ;
Но мнѣ не о чемъ много тужить.
Свыкся я и съ трудомъ и ненастьемъ;
Нѣту бабушекъ мнѣ ворожить.
Самъ избралъ себѣ путь я отдѣльный,
Много гордости было во мнѣ,
Но душою весь міръ безпредѣльный
Я любилъ; и не разъ въ тишинѣ,
Созерцая природы чудесной
Недоступныя многимъ красы,
Уносился я въ міръ неизвѣстный;
Видѣлъ въ каплѣ блестящей росы
Благодатное феи жилище.
Сильфовъ въ воздухѣ вздохи ловилъ.
Забывалъ я въ то время о пищѣ
Жизнью лучшей и чистой я жилъ.
Много думъ въ головѣ зарождалось,
Много видѣлъ я радужныхъ сновъ,
А теперь, ихъ такъ мало осталось
Отъ счастливыхъ и вольныхъ часовъ.

Но иду я, иду къ моей цѣли,
Съ твердой волей, съ надеждой святой.
Жизни лучшіе дни пролетѣли,
Но не падаю гордой душой.

1859. С.-Петербургъ.

СТАРЬЕВЩИКЪ.

Ну, кошель мой старый!
Утро наступило;
Примемся за дѣло.
Намъ съ тобой все мало:
Драная вѣтошка,
Старая фуфайка,
Лоскутки, подошва,
Бархатъ, плисъ и байка.
Все въ тебѣ вмѣстится
Въ дружескомъ смѣшеньи:
Грязь, богатство, сила,
Вѣра и сомнѣнье,
Преступленье, злоба,
Красота разврата,
Нищеты жилище
Роскоши палата.
Въ путь товарищъ вѣрный! —
Мой крючокъ зацѣпитъ
Все, что на дорогѣ
И въ грязи замѣтитъ.

А домой вернемся,
Будетъ сортировка
Набранной добычѣ,
И нужна уловка,
Нужны тактъ и знанье,
Чтобы каждой тряпкѣ,
Отгадавъ призванье,
Отвести мѣстечко.
Маршъ же въ путь товарищъ!
Наше назначенье:
Выбивать изъ грязи
Жизни наслажденье.

1859. С.-Петербургъ.

---

* * *

Надъ пышно-гордою столицей
Ненастный день уже вставалъ:
И вмѣстѣ съ блѣдною денницей
Холодный вѣтеръ завывалъ.
Пошелъ и дождь; все стало сѣро:
А люди мечутся, спѣшатъ.
Людскимъ заботамъ есть ли мѣра?
Нѣтъ въ жизни мѣры. Бросьте взглядъ
Куда хотите, и поймете,
Что жизнь лишь море суеты.
И къ мысли грустной вы придете.
Что наши чудныя мечты

Неисполнимы; что напрасно
Мы говоримъ: «доволенъ я».
Лишь мигъ, и то, что такъ прекрасно —
Поглотитъ зависти змѣя.
Смотрю на городъ я великій
Съ печальной мыслью каждый разъ.
Страстей, страданій слышны клики.
Порой въ глубокій ночи часъ,
Когда все стихнетъ, чуткимъ ухомъ
Я слышу гдѣ-то страшный стонъ.
То тѣло разстается съ духомъ,
То горе прерываетъ сонъ.
Тамъ хохотъ оргіи несется —
Развратъ пируетъ въ часъ ночной.
А тамъ слеза страданья льется —
Вездѣ обманчивый покой.
Вотъ утро; много мнѣ заботы;
На цѣлый день я обреченъ
Искать, просить себѣ работы.
Еще не всѣхъ покинулъ сонъ,
Еще на ложѣ сладострастья
Лежитъ богачъ — фортуны сынъ;
Не для него ударъ несчастья,
Онъ счастья вѣчный господинъ.
А тѣ, чья жизнь лишь трудъ и горе,
Идутъ, спѣшатъ во всѣ концы —
Покоя нѣтъ имъ въ тяжкомъ спорѣ
Съ судьбой; и вѣчные бойцы
Изъ-за куска сухаго хлѣба,
Они идутъ, спѣшатъ, бѣгутъ —
Но зорко смотрятъ очи Неба
На несчастливцевъ тяжкій трудъ.
И я иду за вами, братья,
И легче крестъ мнѣ свой нести.

Я открываю вамъ объятья,
О Боже, гордость мнѣ прости!!
Прости, что, глядя на страданья
Другихъ, я думаю, порой:
Не я одинъ; мои желанья
Ношу безплодно и душой
Терзаюсь. Вотъ и день проходитъ;
Надъ пышнымъ городомъ опять
Ночь безпокойная нисходитъ,
Всѣхъ преступленій тайныхъ мать.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Полночь бьетъ. Моя лампада
Что-то трепетно горитъ,
Далеко моя отрада—
Сердце чуткое не спитъ.
Вотъ какой-то чудной силой
Вызванъ образъ дорогой;
Точно ангелъ легкокрылый
Онъ склонился надо мной.
Тѣ черты, тотъ станъ воздушный,
Тотъ же кроткій, свѣтлый взглядъ.
Это ты, мой другъ послушный?!
Много давшій мнѣ отрадъ.
Что же сердце ты не бьешься
Отъ желаній и любви?!

Иль надъ счастьемъ ты смѣешься?
Или страсти спятъ твои?
А, я понялъ, нѣтъ волненья
Передъ призракомъ мечты,
И полночныя видѣнья
Не замѣнятъ красоты.

1859. С.-Петербургъ.

---

* * *

Когда-нибудь узнаешь ты,
Какъ я любилъ тебя глубоко,
Какъ посвящалъ тебѣ мечты
И думы жизни одинокой.
Ты намекнула только разъ
О томъ, что сердце не свободно.
Спокойно принялъ я отказъ,
И отстранился благородно.
Съ тѣхъ поръ ни вздохомъ, ни слезой
Не обличилъ моихъ страданій;
Но сердце жизненной грозой
Сокрушено. Моихъ желаній
Я предъ толпой не разглашалъ,
И гордо шелъ моей дорогой;
Берегъ мой тайный идеалъ,
И надъ собой работалъ строго.

И унесу въ душѣ больной
Одно великое страданье,
Предстану съ нимъ на судъ другой,
Гдѣ вѣчной правды воздаянье.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Надъ землею сны летаютъ
Въ тихой ночи часъ.
Звѣзды на небѣ сверкаютъ;
Слышенъ Бога гласъ.

И проносятся незримо
Вѣстники небесъ,
Отъ святаго Херувима
Убѣгаетъ бѣсъ?

Надъ невинностью святою
Вѣетъ благодать.
Что же грѣшною мечтою
Началъ я страдать?

Сердце, въ тишинѣ полночи,
Позабудься сномъ!
Не слеза туманитъ очи,
Жжетъ печаль огнемъ.

Передъ образомъ я встану,
И слеза мольбы
Успокоитъ злую рану;
Смолкнетъ стонъ борьбы.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Бѣжатъ по душѣ моей думы,
Какъ мрачныя тучи по небу
Осенней ненастной порою.
Все сѣро кругомъ и печально.
И жду я, какъ солнце проглянетъ,
И лучъ благодатнаго свѣта
Пустынную жизни дорогу
Освѣтитъ, согрѣетъ, и сердце
Въ груди затрепещетъ надеждой.
Желанная гостья! какъ рѣдко
Меня ты теперь посѣщаешь.
Съ тобой намъ и жизни тревога,
Ненастья, лишенья, заботы
Несутся легко. О, пошли намъ
Источникъ надежды и жизни,
Небесную гостью надежду!

Чрезъ волны страстей и страданій
Мы къ пристани тихой пристанемъ,
И миръ сохранимъ благодатный,
И горести жизни забудемъ.

1859. Москва.

* * *

Въ скорбный часъ, когда терпѣнье
Сокрушается борьбой,
Вспоминаю я смиренье
И борьбу твою съ судьбой.

Жизнь твоя съ нуждой и горемъ
Такъ была всегда мрачна.
И съ житейскимъ бурнымъ моремъ
Ты боролося одна.

Но ни бури, ни печали,
Ни людская клевета,
Образъ твой не омрачали —
Ты была всегда чиста.

Отъ того въ часы страданья
Вспоминаю подвигъ твой.
Жизни лучшей ожиданья
Исцѣляютъ духъ больной.

1859. Москва.

* * *

Погоди больное сердце,
Можетъ быть, покой ужь близокъ.
Тотъ, кого ты такъ любило,
Оказался глупъ и низокъ.

Но повѣрь словамъ поэта,
Что твоя любовь ошибка.
Въ сердцѣ много силъ чудесныхъ;
Вновь появится улыбка.

Какъ Фениксъ, ты возродишься
Съ новой страстью, съ красотою,
Вновь полюбишь міръ прекрасный,
Жизнь оовѣтится мечтою.

1859. Москва

---

* * *

Гдѣ родина моя? гдѣ сердца колыбель?
Я спрашиваю васъ, души воспоминанья.
Корабль надежды гдѣ? Онъ сѣлъ давно на мель.
Вокругъ меня теперь безбрежность и страданья.
Вотъ я одинъ стою на сумрачной скалѣ,
И взоръ стремится въ даль, и тщетно сквозь туманъ

Я берегъ разглядѣлъ хочу въ тяжелой мглѣ,
Вокругъ меня кипитъ лишь злобы океанъ.
Я къ верху поднялъ взоръ, — но гдѣ же лучъ отрадный?
Гдѣ жь ты когда-то мнѣ свѣтившая звѣзда?
Твой кроткій свѣтъ погасъ; иль тоже бездной жадной
Онъ поглощенъ на вѣкъ? да, сердцу никогда
Ему ужь не свѣтить. Но есть въ душѣ больной
Какой-то странный свѣтъ, какое-то блистанье,
Оно меня ведетъ теперь сквозь мракъ ночной
И съ жизнію миритъ, и гонитъ отрицанье.
Я вижу кормчій тамъ таинственный плыветъ
На новомъ кораблѣ, стихаетъ вкругъ волненье;
На родину меня онъ дальнюю зоветъ.
Туда я поплыву, покинувъ здѣсь сомнѣнье.

1868. Ярославль.

ВЪ ЛѢСУ.

(Л. С. Макову).

Подъ тяжкою жизненной ношей
Въ лѣсу заблудился я разъ.
Тамъ буря, шумя, налетѣла:
И солнечный свѣтъ вдругъ погасъ.

Деревья, какъ призраки, грозно
Качались во мракѣ ночномъ.

И выхода тщетно искалъ я,
Съ тоскою о счастьѣ земномъ.

И мыслью блуждая въ прошедшемъ,
Я вспомнилъ мной пройденный путь;
Я вспомнилъ о свѣтлыхъ надеждахъ,
Когда-то мнѣ нѣжившихъ грудь.

Я вспомнилъ, какъ радужной пылью,
Носились мечты предо мной,
Но все, что мнѣ дорого было,
Покрылъ уже сумракъ ночной.

Не видѣлъ назадъ я возврата,
И былъ я въ лѣсу одинокъ.
Въ душѣ закипали проклятья,
Я въ страшной борьбѣ изнемогъ.

Я видѣлъ вкругъ хаосъ и гибель.
Гдѣ голову мнѣ преклонить?
Я думалъ, а буря шумѣла,
И все начинала крушить.

Тутъ вы подошли ко мнѣ тихо,
Сказавши: надѣйся! и вновь
Воскресли упавшія силы,
Согрѣлась застывшая кровь.

Блеснула заря, и я вышелъ
За вами изъ чащи лѣсной.
И все вкругъ меня заблистало,
Какъ блещетъ природа весной.

Я вижу тамъ въ свѣтлой долинѣ
Для путниковъ тихій пріютъ.
Меня вы туда приведете:
Тамъ кровъ и покой мнѣ дадутъ.

Декабрь 1868. Ярославль.

ФЕЯ ВЕСНЫ.

(Графинѣ Елисаветѣ Степановнѣ Апраксиной).

Когда въ дни дѣтства золотаго,
Я вѣрилъ въ множество чудесъ:
Земля казалась свѣтлымъ садомъ,
И духи реяли съ небесъ.

Цвѣты, деревья — все имѣло
Своихъ таинственныхъ жильцовъ:
А по лѣсамъ толпы бродили
Русалокъ, вѣдьмъ и мертвецовъ.

Въ тѣ дни весною благодатной
Я часто видѣлъ странный сонъ,
И сонъ тотъ жизнію печальной
До сихъ поръ не былъ омраченъ.

Я видѣлъ утренней зарею
Надъ моремъ радужныхъ цвѣтовъ
Летало милое созданье,
Въ вѣнцѣ изъ свѣтлыхъ облаковъ.

Ея одежда голубая,
И добрый взглядъ ея очей,
Меня невольно привлекали
Сильнѣе солнечныхъ лучей.

Благоуханье разливала
Она таинственно вокругъ,
Ей вся природа улыбалась:
То былъ весны прекрасный духъ.

И еще разъ я въ жизни встрѣтилъ
Ту фею добрую весны;
И сердцемъ вѣрилось невольно,
Что возвратились дѣтства сны.

Да будетъ же всегда надъ вами
Парить духъ добрый и святой,
И оградитъ отъ грязи свѣта
Васъ благодатной чистотой!

Апрѣль 1868. С.-Петербургъ.

ДЕНЬ ВОСКРЕСЕНІЯ.

Горитъ Востокъ зарею новой,
И вотъ надъ грѣшною землей,
Встаетъ съ своею вѣчной славой,
День Воскресенія святой.

Вездѣ огнями блещутъ храмы,
И въ нихъ торжественно гремитъ
Священный гимнъ: «Христосъ Воскресе!»
И души вѣрныхъ веселитъ.
И въ братскомъ радостномъ лобзаньи
Сравнялись всѣ; а въ небесахъ
Ликуютъ ангелы святые,
И онъ паритъ на облакахъ.
Онъ, побѣдитель смерти, ада,
Непостижимый вѣчный свѣтъ.
Земля и небо преклонились
Предъ нимъ въ торжественный привѣтъ.
Предъ дивной тайной искупленья
Смиримся-жь искренно душой:
И съ нашей злобой и страстями,
И съ нашей мудростью земной.

Мартъ 1868. С.-Петербургъ.

---

* * *

Въ тѣ дни, когда я пламенной душою
Былъ чистъ отъ грязи свѣтской суеты,
И уносился вольною мечтою
Въ міръ грезъ, въ міръ тайнъ и красоты,
Услышалъ я чарующее слово;
И слово то запало въ сердце мнѣ.
Все было въ немъ такъ рѣзко и такъ ново
Моей душѣ, дремавшей въ сладкомъ снѣ.

Могучій духъ Шекспира, ты повѣялъ
Вдругъ на меня величьемъ неземнымъ.
И я съ тѣхъ поръ любилъ, берегъ, лелѣялъ
Поэта духъ, сроднившійся съ моимъ.
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ печальныхъ;
И тайны жизни опытъ мнѣ открылъ;
И много грезъ роскошныхъ, идеальныхъ,
Я въ глубинѣ души похоронилъ.
Но драма жизни все передо мною,
И такъ, какъ ты ее изобразилъ,
Могучій геній, кистью роковою,
Съ насмѣшкой злой и бездной страшныхъ силъ.
Чѣмъ ближе я къ концу моей дороги,
Тѣмъ чаще я совѣтуюсь съ тобой;
И на послѣднемъ жизненномъ порогѣ,
Тебя съ послѣдней вспомню я борьбой.

1859. Москва.

---

* * *

Я сижу передъ каминомъ;
На огонь гляжу упорно.
И по углямъ синей змѣйкой
Пламя бѣгаетъ проворно.

Въ яркихъ пламени побѣгахъ
Вижу чудныя видѣнья;
Они мнѣ напоминаютъ
Жизни страсти и сомнѣнья.

Все что было, хоть однажды
Воскресаетъ предо мною.
Вспыхнетъ страсть, порой, какъ пламя,
Не зальешь ее слезою.

Когда все вкругъ насъ замерзнетъ
Вмѣстѣ съ жизнью молодою,
Мы становимся, невольно,
Эгоистами душою.

1859. Москва.

НИЩІЙ.

Окончилась служба, изъ храма народъ
Выходитъ густою толпою,
Согнувшись стоитъ у церковныхъ воротъ
Съ сѣдою старикъ головою.

Въ лохмотьяхъ одежда, опорой костыль :
Дрожатъ его дряхлыя ноги.
Такъ вѣтеръ качаетъ засохшій ковыль,
Забытый косцемъ близь дороги.

Но видно, что жизнь его прежде была
Не все такъ бѣдна и сурова.
Теперь же въ очахъ его вѣчная мгла,
И бренная рвется основа.

И бросились нищіе — руки впередъ.
Подайте, кричатъ: «Христа-ради!»
Ихъ всѣхъ одѣляетъ спѣшащій народъ,
Не видя стоящаго сзади.

Дрожащія руки не могъ протянуть
За скуднымъ старикъ подаяньемъ.
Отъ холода дрогла изсохшая грудь;
Душа замирала страданьемъ.

На хлѣбъ! только могъ онъ порой говорить;
И слезы въ морщинахъ застыли.
Народъ торопился домой уходить
И всѣ старика обходили.

Когда же прошли всѣ, къ нему подошла
Вдругъ дѣвушка — грёзы созданье.
И хлѣба и денегъ ему подала.
И принялъ старикъ подаянье.

Вмигъ радость блеснула въ морщинахъ лица,
Покрытаго мракомъ несчастья.
Ты будешь, сказалъ онъ, достойна вѣнца
И долгаго, долгаго счастья.

Склонился на землю съ молитвой старикъ
И въ сердцѣ съ утѣхой святою —
Окончилъ свой путь; а страдальческій ликъ
Сіялъ неземной красотою.

1859. Москва.

* * *

Въ наши дни появилося много
Разнородныхъ вопросовъ для всѣхъ,
Всѣ ошибки караются строго:
Старину подымаютъ на смѣхъ.
Благодатная гласность сурово
За дѣяньями многихъ слѣдитъ.
Еще шагъ и все зданье готово:
И заря ужь надежды горитъ.
Всѣ спѣшатъ, всѣ готовы на дѣло.
Много мощныхъ поднялося рукъ.
Голосъ правды возносится смѣло.
Разгорается свѣточъ наукъ.
И все старое въ бездну забвенья
Провожаетъ со смѣхомъ нашъ вѣкъ
Но въ насъ мало любви и смиренья:
Гордъ и холоденъ сталъ человѣкъ.
Межъ вопросовъ, намъ данныхъ судьбою.
Одинъ вѣчный вопросъ позабытъ:
«Какъ намъ сладить съ житейской борьбою?
Гдѣ найти противъ стрѣлъ ея щитъ!»
Открываемъ мы тайны природы.
И стихіями правимъ легко:
Жаждемъ правды, богатства, свободы,
А отъ счастія все далеко.
Гдѣ же счастье? о, мудрость земная
Разрѣши намъ ты этотъ вопросъ,
Нѣтъ отвѣта: а дни, пролетая,
Намъ несутъ много горя и слезъ.

1859. Москва

* * *

Вѣетъ утренней прохладой.
На востокѣ свѣтъ блеснулъ.
Убѣгаютъ тѣни ночи;
Лѣсъ въ туманѣ потонулъ.

Прочь, вы мрачныя видѣнья!
Прочь печальныя мечты.
Утро свѣтлое восходитъ
Для любви и красоты.

Чу, и птицы встрепенулись —
Раздались ихъ голоса,
И блеститъ алмазомъ чистымъ
На цвѣтахъ моихъ роса.

Дай нарву цвѣтовъ душистыхъ.
Изъ цвѣтовъ моихъ букетъ
Положу на ложе милой —
То мой утренній привѣтъ.

1859. Москва.

---

* * *

Часто я пытаю сердце;
Отъ чего воспоминанье

Надо мной имѣетъ силу?
Отъ чего въ душѣ страданье,
Безотчетно, вдругъ родится?
Молодая жизнь промчалась
Съ ея страстными мечтами;
Сердце часто ошибалось.
Но изъ всей прошедшей жизни
Вынесъ я не мало вѣры.
Всѣ мечты и всѣ надежды
Были ярки, но безъ мѣры.
А теперь иду я тихо;
Каждый шагъ разсчитанъ строго.
Цѣль моя опредѣлилась,
И видна моя дорога.
Вижу я въ дали туманной
За житейскими волнами,
Пристань тихую съ пріютомъ,
Съ золотыми дѣтства снами.
Вѣрю я, что тамъ воскреснетъ
Все, что я любилъ душою.
Вмѣстѣ съ молодостью вѣчной
Радость будетъ намъ сестрою.

1859. Москва.

---

* * *

Опять ты вновь передо мной
Стихія грозная съ волнами.

Опять надъ бездной водяной
Ношусь я съ странными мечтами,
На берегу въ вечерній часъ,
Когда спокойны моря воды,
Я не свожу привычныхъ глазъ
Съ безбрежной дали. Духъ природы —
Могучій образъ красоты,
Мнѣ мнится, мчится съ облаками;
Я вижу грозныя черты,
И руку съ вѣчными громами.
Но тихо вкругъ. Закатъ горитъ
Своей пурпурной полосою,
Какъ будто куполъ неба слитъ
Съ равниной водъ. Вечерней мглою
Покрылась даль, и ночи тѣнь
На міръ ложится утомленный,
Меня же охватила лѣнь.
Какой-то страстью упоенный
Дремлю и слышу: какъ волна
Журчитъ и плещетъ у обрыва.
Природа звуками полна,
А ночь какъ будто молчалива.
Но чу, какой-то странный гулъ.
Какъ будто стонъ глухой несется.
Холодный вѣтеръ вдругъ пахнулъ;
Сейчасъ чудовище проснется.
И я встаю: пора домой!
Мнѣ всѣ ужь бури надоѣли.
А ты, любимецъ старый мой,
Бушуй и рвись для темной цѣли.

1859. Москва.

* * *

Въ зимній день, когда мятель крутится,
И вѣтеръ снѣгъ сугробами мятетъ.
Я подъ окномъ люблю, порой, садиться
И вдаль смотрѣть: кто ѣдетъ, иль идетъ.
Есть нѣчто въ зимнемъ вѣтрѣ, непогодѣ,
Что много думъ наводитъ иногда.
Въ покрытой снѣгомъ, мертвенной природѣ
Исчезла жизнь, но все не безъ слѣда.
И часто мнѣ, сквозь зимнія мятели,
Являются картины прошлыхъ лѣтъ.
Тѣ радости, что вихремъ пролетѣли,
Тѣ образы, которыхъ уже нѣтъ.

1859. Москва.

НАТУРЩИЦА.

(эскизъ).

Одежда съ смуглаго плеча
Скользитъ атласною волною.
Вся поза страстно-горяча,
Все полно нѣгою земною.
Она какъ будто замерла.
Слегка нагнулся станъ вакханки;

Крѣпка какъ мраморъ и смугла
Грудь еще дѣвственной цыганки.
Покрыты влагою глаза.
Въ нихъ скрыта сила роковая —
Страстей грядущая гроза.
А косы съ плечь ея сбѣгая,
Какъ змѣи черныя висятъ,
И въ этихъ змѣяхъ страшный ядъ.
Но вотъ сеансъ къ концу приходитъ.
Художникъ кисти положилъ.
Къ нему натурщица подходитъ,
Глядитъ въ глаза и — онъ безъ силъ,
Онъ увлеченъ, онъ очарованъ,
Онъ чувствуетъ, что весь горитъ.
Къ своей натурщицѣ прикованъ,
Блѣднѣетъ, бѣдный, и дрожитъ.
Она жь горячими устами
Цалуетъ сжатыя уста.
И, еще разъ сверкнувъ очами,
Вдругъ исчезаетъ, какъ мечта.

1859. Москва.

* * *

Еще одно сердечное страданье,
Еще одна привязанность — прости!
Мнѣ хочется все молвить: до свиданья!
Мнѣ жаль мечты и думы погребсти.

Увидимся ли мы? вопросъ напрасный.
Къ чему обманомъ сердце услаждать,
И жизнь пройдетъ какъ сонъ, порой, прекрасный,
Порою, заставлявшій насъ страдать.
Но въ этотъ часъ, когда мнѣ сердце гложетъ
Печаль и вкругъ нѣмая пустота,
Ее вернуть уже никто не можетъ,
И прошлое — не больше, какъ мечта.

1859. Москва.

---

* * *

Въ печальный часъ, когда душа болитъ,
И буря вкругъ житейская шумитъ:
Я вспоминаю, какъ смѣялась ты.
Какъ измѣнялись милыя черты.
О, да, твой смѣхъ дышалъ всегда укоромъ;
Въ немъ жизнь твоя вставала предо мной.
Толпа безумцевъ, сплетнями, позоромъ
Тебя клеймила; но твой духъ больной
Въ самомъ себѣ нашелъ успокоенье,
И было то высокое смиренье.
Но иногда ты не могла простить,
И въ этотъ часъ смѣялась ты невольно:
Но смѣхъ твой могъ надежду омрачить.
И сердцу отъ него такъ было больно.
Да, часто я во тьмѣ ночной
Все слышу смѣхъ печальный твой.

1859. Москва.

ПЕРЕДЪ ПОРТРЕТОМЪ ШЕКСПИРА.

Я вижу тѣнь твою, поэтъ великій!
Твой голосъ громовой въ ушахъ звучитъ,
Но для чего жь какой-то хаосъ дикій
Вокругъ меня, волнуяся, шумитъ?!
Я на чело твое гляжу, и много
Великихъ думъ лежитъ передо мной.
Ты жь на меня глядишь такъ грустно, строго,
Въ глазахъ твоихъ есть отблескъ неземной.
Я изучалъ слова твои не даромъ.
Ты все сказалъ, что долженъ былъ сказать.
И я теперь объятъ священнымъ жаромъ,
И вновь готовъ молиться и страдать.
А между тѣмъ, какъ думой вдохновенной
Душа моя торжественно горитъ,
Какой-то шумъ глухой и отдаленный
Восторгъ души печально холодитъ.
То свѣтъ шумитъ, то жизнь съ ея страстями;
Тамъ мѣста нѣтъ возвышеннымъ мечтамъ;
Тамъ часто смѣхъ смѣняется слезами,
И буря сокрушаетъ славы храмъ.
А ты теперь спокоенъ, въ царствѣ мира;
Твой геній возвратился въ край родной.
Но голосъ твой средь жизненнаго пира
Еще гремитъ надъ слабостью земной.

1859. С.-Петербургъ.

* * *

Содрогнулась душа, я поникъ головой.
Сердце сжалося больно въ груди.
Прочь хандра! вѣдь мой хлѣбъ трудовой:
Много дѣла мнѣ есть впереди.

Да, я долженъ сносить все житейское зло
Безъ роптаній, безъ вздоховъ и слезъ,
Что за дѣло, что душу страданье прожгло,
И что въ сердце проникъ ужь морозъ.

Не богачъ я, чтобъ нѣжиться страстной тоской,
И вздыхая, весь міръ проклинать.
У меня долженъ быть вѣчно трудъ подъ рукой,
Мнѣ не время еще отдыхать.

Для семейства роднаго, для милыхъ моихъ,
Буду биться на смерть я съ судьбой.
Не звучи жь такъ печально мой стихъ,
И не падай душа предъ борьбой.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Какъ потокъ кипитъ весною,
Такъ и наша жизнь кипѣла:

А теперь рѣкой глубокой
Покатившись, присмирѣла.

Но покой этотъ обманчивъ,
Въ немъ таится силы много.
Сердце спитъ, но часъ настанетъ,
Вновь поднимется тревога.

И лишь бурной жизни вѣтеръ
Глубь души у насъ взволнуетъ,
Вѣрь, придетъ покой не скоро,
И бѣда насъ не минуетъ.

Приготовь же крѣпкій якорь,
Онъ спасетъ насъ въ часъ невзгоды.
Пусть тогда грохочетъ буря,
Пусть надъ нами мчатся годы.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Она въ гробу лежала такъ спокойно,
Съ улыбкою невинной на устахъ.
Вокругъ нея стояли тихо, стройно,
И видѣли одинъ бездушный прахъ.

А мнѣ казалося, что смерти тлѣнье
Не тронетъ этой юной красоты;

Что то не смерть, а лишь отдохновенье
Отъ страстныхъ думъ, страданій суеты.

Что вотъ она сейчасъ при всѣхъ проснется,
И вспыхнетъ вновь румянецъ на щекахъ,
А сердце жаждой страстною забьется,
Блеснетъ вопросъ въ открывшихся очахъ.

Такъ думалъ я; а запахъ фиміама
Носился вкругъ прозрачною волной,
Изъ оконъ же готическаго храма
Благоуханной вѣяло весной.

Хоръ пѣвчихъ пѣлъ какой-то гимнъ печальный:
Изъ глазъ людскихъ катилось много слезъ;
А я душой въ странѣ носился дальней,
И много видѣлъ чудныхъ, свѣтлыхъ грезъ.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Когда надъ вами пронесется,
Шумя, житейская гроза,
А время грозное коснется
Всѣхъ вашихъ прелестей; слеза
Не разъ увлажитъ ваши очи,
И съ болью вспомните тогда
Тѣ обольстительныя ночи,

И дни веселья безъ труда.
И всѣ курившіе, въ дни счастья,
Предъ вами лести фиміамъ,
Безъ сожалѣнья, безъ участья,
Своихъ страстей покинутъ храмъ.
И одиноки, безъ опоры,
Пойдете жизненнымъ путемъ,
А тутъ и совѣсти укоры,
А тутъ и свѣтъ съ его бичемъ
Бичемъ презрѣнья. Тутъ душою
Вы проклянете, можетъ быть,
Что вашей жизненной весною,
Любовью смѣли вы шутить.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Я люблю въ тебѣ твои грѣхи,
Я люблю въ тебѣ твои ошибки,
И волшебно-страстные стихи,
И твои лукавыя улыбки.
Такъ въ тебѣ кипитъ и пышетъ кровь,
Молодая жизненная сила.
Мигъ тоски и слезъ — и веселъ вновь.
Жизнь души твоей не омрачила.
Но въ твоихъ волненіяхъ кипучихъ
Есть зерно возвышенныхъ страстей,

Ты еще не пролилъ слезъ горючихъ,
Не томился жаждою честей.
Но настанетъ время искушенья,
И тогда воспрянешь ты душой,
Отразишь безумныя сомнѣнья,
И потомъ въ любви найдешь покой.

1860 С.-Петербургъ.

* * *

Опять слеза блеститъ въ твоихъ очахъ;
Знать, видно вновь житейской непогодой
Возмущена душа твоя и въ прахъ
Склонилась ты предъ тяжкою невзгодой.
Не въ первый разъ тебѣ склоняться, другъ;
Пріучена была ты къ горькой долѣ.
Ты встанешь вновь, встряхнувъ съ себя недугъ,
И будешь вновь въ томительной неволѣ.
Но для меня, всегда, твоя слеза,
Какъ жгучій ядъ; и сердце долго носитъ
Глубокій слѣдъ страданья, и гроза
Благоуханный цвѣтъ мечты уноситъ.
А въ глубинѣ души твоей больной
Живетъ святая сила возрожденья.
Какъ велика была ты предо мной,
Когда въ минуты грустнаго волненья
Сказала мнѣ великія слова:

Что наша жизнь — короткій мигъ сомнѣнья.
И я съ тѣхъ поръ, какъ будто возродился,
Надеждой духъ мой слабый окрылился,
И просвѣтлѣла мыслью голова.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Когда, стряхнувъ земное одѣянье,
Душа моя взнесется къ небесамъ,
Забудетъ ли она любви страданье?
Забудетъ ли все то, чѣмъ былъ я самъ?
Безсмертный духъ ужель не потревожитъ
Воспоминанье жизненныхъ страстей?
Объ этомъ, все сомнѣнье душу гложетъ
И страшно мнѣ! но если безъ затѣй
Предположить, что все одно мгновенье
Забвенія одѣнетъ вѣчной тьмой;
Исчезнетъ жизнь, какъ смутное видѣнье?
Но нѣтъ, никакъ не можетъ разумъ мой
Съ такой безумной мыслью сродниться.
О, дай же мнѣ, могущая судьба
Безсмертія надеждою упиться!
И вѣрить, что житейская борьба
Есть только путь къ святому обновленью.
Но пусть же тамъ любимыя мечты
И образы печальному забвенью
Не предадутся. Въ царствѣ красоты
Пускай, и тамъ, я вспомню все земное,
И полечу въ знакомыя мѣста.

Передо мной воскреснетъ вновь былое,
И значитъ жизнь не даромъ прожита.
Хотѣлъ бы я надъ другомъ, въ часъ полночи,
Незримой тѣнью тихо пролетѣть;
Навѣять сны златыя на тѣ очи,
Въ которыя любилъ я такъ глядѣть.
Я бъ любящее сердце чудной тайной
Заставилъ биться чаще и сильнѣй;
Пусть для нее то былъ бы сонъ случайный,
А мнѣ воспоминанье прежнихъ дней.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

(Памяти А. В. Дружинина).

Вѣтеръ теплый, ты повѣялъ,
Съ дальней южной стороны.
Но кого жь ты тамъ лелѣялъ
Въ царствѣ солнца и весны?

Разскажи мнѣ вѣтеръ дальный,
Что ты видѣлъ, что принесъ:
Страсти пылъ, иль вздохъ печальный,
Можетъ быть, остатки слезъ?

Отвѣчаетъ вѣтеръ вольный:
Путь я дальній пробѣжалъ:

Въ край холодный, въ край раздольный,
Я весну съ собой примчалъ.

Пролеталъ я черезъ море,
Черезъ царство вѣчныхъ горъ,
Но и тамъ людское горе,
Вѣчный ропотъ, вѣчный споръ

Тамъ, гдѣ чудная природа,
Тамъ, гдѣ цѣлый годъ весна.
Стѣснена людей свобода,
Жизнь печальна и блѣдна.

Тѣ же страсти роковыя,
Также льется ваша кровь.
И мгновенья золотыя
Также тамъ даетъ любовь.

Облетѣлъ я міръ широкій: —
Счастья нѣтъ нигдѣ слѣда.
И свой жребій одинокій
Полюбилъ я навсегда.

Я смотрю безъ сожалѣнья
На людскую суету,
Для меня часы—мгновенья.
Я законъ великій чту:

Разношу тепло и холодъ,
Въ часъ назначенный судьбой.
Быстрый духъ мой вѣчно молодъ,
И готовъ всегда на бой.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Есть у меня въ душѣ воспоминанье —
Изъ дней прошедшихъ странная черта.
То было страсти первое дыханье,
Любовной жажды чудная мечта.
И я упалъ; съ горячими слезами
Просилъ любви, забывъ людей, законъ:
Какими-то несбыточными снами,
Я былъ тогда, какъ цѣпью окруженъ.
Охолодить безумца было надо —
И данъ былъ мнѣ насмѣшливый урокъ.
И отнята послѣдняя отрада: —
Я долженъ былъ оставить уголокъ,
Гдѣ зародились страстныя видѣнья,
Съ тѣхъ поръ прошло печальныхъ много лѣтъ:
Я испыталъ другихъ страстей волненья,
Другой любви услышалъ я привѣтъ!
И, наконецъ, я былъ любимъ глубоко —
И самъ любилъ, люблю я всей душой.
Но отъ чего жь въ часы хандры жестокой
По сердцу, вдругъ, скользнетъ опять змѣей
Воспоминанье сна прошедшихъ лѣтъ?
И вновь душа былой тоской заноетъ,
Пока потокъ горючихъ слезъ замоетъ,
На время, страсти той глубокій слѣдъ.

1870. С.-Петербургъ.

* * *

Когда полночныя видѣнья
Меня смущаютъ и томятъ,
И въ душу черныя сомнѣнья
Вливаютъ страсти жгучій ядъ —
Встаю съ постели одинокой,
Беру завѣтную тетрадь —
Тамъ есть черты любви глубокой, —
Все, что безсильно время взять.
Я повѣсть прошлаго читаю
Въ начертанныхъ тобой строкахъ;
Конечно, я душой страдаю,
Но есть и слезы на глазахъ.
А какъ по сердцу прокатится
Воспоминанія слеза,
Душа какъ будто освѣжится,
Пройдетъ отчаянья гроза.
Твоя тетрадь, мое лекарство
Отъ всѣхъ душевныхъ бурь и бѣдъ,
Я не отдамъ ее за царство —
Въ ней вѣчной юности привѣтъ.
Въ ней вся любовь души прекрасной,
Не пролетѣвшей безъ слѣда.
Живи же сердце думой страстной,
Храни залогъ любви всегда!

1860. С.-Петербургъ.

* * *

И снилось мнѣ, что смерть меня сковала;
Что я въ гробу лежалъ; вокругъ меня
Толпа людей, безвѣстныхъ мнѣ, стояла,
Изъ оконъ же лилось сіянье дня.
Я чувствовалъ, какъ запахъ ароматный
Цвѣтовъ изъ сада вѣялъ надо мной;
Я слышалъ голосъ птичекъ благодатный;
И понялъ я, что умеръ я весной.
Но отъ чего жь лежалъ я такъ покойно,
И видѣлъ все и слышалъ безъ труда,
А жизнь вокругъ кипѣла такъ нестройно.
Ужели я оставилъ навсегда
Весь этотъ міръ обмановъ, сожалѣній,
И сердце не сожмется вновь тоской?
И не придетъ ко мнѣ толпа сомнѣній,
Не сдавитъ грудь желѣзною рукой?
Такъ думалъ я; но, вдругъ передо мною
Мелкнулъ печальный образъ, точно тѣнь;
Мнѣ жизнью, вновь, повѣяло земною,
И омрачился свѣтлый, чудный день.
И душу мнѣ прожгло воспоминанье:—
То были мнѣ знакомыя черты,
Но измѣнило ихъ уже страданье,
И блекнули остатки красоты.
Я видѣлъ, на глазахъ слеза застыла;
А взоръ съ тоской ко мнѣ былъ обращенъ;
И въ этотъ мигъ, душа моя заныла,
И вырвался изъ груди тяжкій стонъ.

Проснулся я; а сердце сильно билось
И было мнѣ чего-то сердцемъ жаль.
Душа моя усталая просилась
Въ покойную, таинственную даль.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Мчатся быстро, безполезно,
Жизни лучшіе часы;
И какой рукой желѣзной
Остановишь взмахъ косы;
Той косы, что жизнь подкоситъ,
И разрушитъ всѣ мечты.
Для чего жь все сердце проситъ,
И любви и красоты?
Для чего безъ сожалѣнья
Забываемъ мы всегда —
Драгоцѣнныя мгновенья,
Что проходятъ безъ слѣда.

1860. С.-Петербургъ.

ПѢСНЬ О РОЗѢ.

Разсадилъ я мои розы,
И какъ только солнца свѣтомъ
Лучезарнымъ ихъ облило
Онѣ пышно распустились.

О! цвѣтовъ царица роза!
Красоты ты образъ чистый;
Для людей всегда была ты
Символомъ любви и счастья

Въ мірѣ древнемъ тебя чтили:
Въ вѣкахъ среднихъ каждый рыцарь
Подносилъ царицѣ сердца
Розу въ знакъ любви и клятвы,

Клятвы въ вѣрности до гроба.
И красавицы нерѣдко,
Съ сердца розами дарили
Паладиновъ въ часъ прощанья.

Рыцарь бралъ отъ дамы розу,
И пускаясь въ бой опасный,
Или въ путь для приключеній,
Клалъ на сердце эту розу.

Въ нашъ же вѣкъ цвѣтовъ царицу
Ужь никто не обожаетъ —
Только розовое масло
Страшно дорого въ продажѣ.

Нынче рыцарь современный
Не беретъ у милой розы —
Онъ беретъ мѣшокъ червонцевъ
И кладетъ его у сердца.

Но для тѣхъ безумцевъ жалкихъ,
Что поэтами зовутся,
Роза все очарованье
Сохранила, какъ и прежде.

Въ нашъ же вѣкъ холодный, гордый —
Въ вѣкъ — когда всѣ люди бьются
Изъ-за хлѣба, бѣдной розѣ
Въ жребій выпало забвенье.

Но пускай забыли розу,
Она все жь между цвѣтами
Всѣхъ пышнѣй и всѣхъ прекраснѣй,
Лучше всѣхъ благоухаетъ.

Я люблю цвѣтовъ царицу,
И въ духовномъ завѣщаньи
Написалъ, чтобъ посадили
На моей могилѣ розы.

20 Марта 1872.

* * *

Говорятъ, что нынче праздникъ?
Надо бросить всѣ заботы.

Что настали дни веселья,
Прекратились всѣ работы.
Вѣрю я, но отчего же
Вкругъ меня все такъ сурово?
Вижу я не смѣхъ, а слезы,
Слышу горестное слово.
И природа такъ печальна:
Солнца на небѣ не видно;
Надъ землей туманный саванъ.
Праздникъ! Горько и обидно,
Что какъ будто бы въ насмѣшку
Говорятъ про наслажденье.
А межъ тѣмъ у всѣхъ заботы,
И разсчеты, и сомнѣнья.
Да, мнѣ помнится, когда-то
Зналъ я праздники другіе:
Незабвенны тѣ минуты
Вѣчно сердцу дорогія:—
Было вкругъ свѣтло и ясно,
И средь радостнаго пира,
Вѣялъ тихою отрадой
Благодатный ангелъ мира.
А теперь мнѣ горе праздникъ:
Каждый день съ тяжелой думой
Я встрѣчаю; средь веселья
Я брожу, какъ тѣнь угрюмый.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Ты говорила въ часъ прощальный:
Мой другъ прости мою печаль,
Ты ѣдешь въ край чужой и дальній;
Что ждетъ тебя? Мнѣ горько, жаль,
Что одинокій и безъ друга
Ты будешь, можетъ быть, не разъ,
Тоску душевнаго недуга
Нести одинъ? Въ печальный часъ,
Я отвѣчалъ, о другъ мой милый,
Я понесусь къ тебѣ душой!
Воспоминанья чудной силой
Воскреснетъ образъ дорогой.
Для духа Вѣчнаго, едва ли,
Есть разстоянья и года.
Умѣрь же стонъ твоей печали:
Вѣдь ѣду я не навсегда.
Повѣрь, на комъ печать страданья
Рукой судьбы наложена,
Тому для бѣдъ и испытанья
И сила страшная дана.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Скажи, когда таинственныхъ видѣній
Летаетъ легкій, свѣтлый рой

Вокругъ головки молодой,
Что говоритъ тебѣ твой добрый геній?

Какой восторгъ твою волнуетъ грудь?
Какіе сны тебя тревожатъ?
Что молодое сердце гложетъ?
Я все хочу спросить когда-нибудь.

Не вѣрится мнѣ только, чтобъ открыла
Ты тайны сердца своего.
Въ душѣ растетъ изъ ничего
Таинственная, жизненная сила.

Накинь покровъ на золотые сны
Стыдливо скрой свои желанья,
Пусть спятъ мечты и ожиданья
На днѣ души твоей сохранены.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Спой мнѣ пѣсню, гдѣ такъ много
Свѣтлыхъ думъ, и свѣтлыхъ грезъ!
Мнѣ наскучила тревога,
Вѣчный шумъ житейскихъ грозъ.

Дай забыться мнѣ, и снова
Сердцемъ радостно вздохнуть.

Пой! душа моя готова
И открыта звукамъ грудь!

Я помчусь мечтою страстной
Въ тѣ мѣста, въ тотъ свѣтлый край,
Гдѣ природа такъ прекрасна,
Гдѣ мнѣ былъ сердечный рай.

Спой мнѣ пѣсню, какъ ты пѣла
Много лѣтъ тому назадъ,
Пой, чтобъ сердце молодѣло,
Чтобъ зажегся счастьемъ взглядъ!

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Когда душа предчувствіемъ печальнымъ
Волнуется, готовлюсь я тогда
Встрѣчать бѣду, и съ горемъ еще дальнимъ
Ужь близокъ я. Такъ многіе года
Прошли съ тѣхъ поръ, когда моя безпечность
Не знала тѣхъ томительныхъ заботъ,
Что сердце жгутъ; когда жь настанетъ вѣчность,
Кто скажетъ, что она мнѣ принесетъ?!
Быть можетъ, въ ней страданья обновятся —
Такъ нужно къ нимъ привыкнуть; если жь нѣтъ,
Тѣмъ лучше, пусть надежды превратятся —
Въ дѣйствительность и въ радости привѣтъ.

Такъ я теперь заранѣ привыкаю
Ко всѣмъ ударамъ тягостнымъ судьбы;
Себя на трудъ всегда я обрекаю,
На горести всей жизненной борьбы.

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Я одинъ съ моей печалью
Вечеръ долгій провожу,
И на память милый образъ
Въ грустный часъ я привожу.

И опять какъ будто слышу
Серебристый нѣжный звукъ,
То твой голосъ раздается —
Въ немъ лекарство мнѣ отъ мукъ.

А часы идутъ такъ долго.
Тихо, мертво вкругъ меня.
Скоро ль я опять дождуся
Въ жизни радостнаго дня?!

1860. С.-Петербургъ.

* * *

Подъ кровомъ лѣтней ночи
Ты пришла ко мнѣ тайкомъ.
И свѣтились твои очи
Страсти радостнымъ огнемъ.

Подъ большимъ кустомъ сирени
Сѣли мы съ тобой; вкругъ насъ
Волновались ночи тѣни
И обманывали глазъ.

Долго мы съ тобой молчали;
Груди наши такъ легко
Свѣжимъ воздухомъ дышали;
Горе было далеко.

Передъ утреннимъ разсвѣтомъ
Поцѣлуй ты мнѣ дала.
И въ душѣ съ святымъ обѣтомъ
Отъ меня, какъ тѣнь, ушла.

И съ тѣхъ поръ мы не видались:
Ты была увезена.
Годы многіе промчались
Послѣ сладостнаго сна.

А въ часъ лѣтній, теплой ночи,
Все мнѣ кажется, порой,
Что твои мнѣ блещутъ очи,
Слышенъ голосъ милый твой.

1860. С.-Петербургъ.

*

НАСЛѢДСТВО.

I.

Что мрачны такъ боярскія палаты?
Какая вдругъ нѣмая тишина.
Какимъ-то сномъ таинственнымъ объяты
Глядятъ большія окна; въ нихъ видна
Вся внутренность покоевъ опустѣлыхъ;
Не слышно въ нихъ той шумной суеты,
Тѣхъ возгласовъ и льстивыхъ, и не смѣлыхъ,
Что прежде раздавались. Гдѣ цвѣты,
Которыми всѣ стѣны украшались?
Гдѣ цѣлая толпа покорныхъ слугъ?
Восточные ковры, что разстилались
По гладкому паркету? Все вокругъ
Такъ грустно и такъ скоро измѣнилось.
Мы невидимкой тихо проскользнемъ
Туда, гдѣ смерть надъ жизнью воцарилась.
Вотъ и покой, обтянутый сукномъ:
Мы въ спальнѣ. На постелѣ пышной
Лежитъ старикъ, весь желтый и сѣдой.
Въ углу псалтырь читаютъ едва слышно.
Тутъ смерть была. Бутыль съ святой водой
Стоитъ на столикѣ; предъ образами
Горитъ лампада трепетнымъ огнемъ;
Тамъ шкафъ въ углу, а дальше межъ столбами
Большой сундукъ, набитый серебромъ.
Да, было тутъ съ чѣмъ смерти побороться.
Отмѣчено все гордостью земной!
Тутъ все, что только въ гробъ лишь не берется,
Но возмущаетъ вѣчный нашъ покой.

II.

Не видно слезъ, не слышно сожалѣній —
Къ умершему никто не подойдетъ.
Разсчетъ оконченъ съ нимъ; но вотъ, какъ геній,
Молоденькая дѣвушка несетъ
Букетъ цвѣтовъ, и ихъ на изголовье
Умершаго разсыпала; въ глазахъ
У ней блеститъ слеза. Спѣши жь злословье
Невинность очернить, и въ прахъ
Разбить души прекрасной убѣжденье,
И свѣтлыя надежды омрачить;
Дать милостыню ей изъ снисхожденья,
Иль честь ее за золото купить.
Но, что за шумъ? Всѣ двери отворяютъ:
Толпа гостей нежданныхъ прибыла;
Подобострастно слуги ихъ встрѣчаютъ.
И жизнь опять надъ смертью начала
Свой ходъ. И собралися всѣ въ гостиной
Наслѣдники, составивши совѣтъ.
Одинъ изъ нихъ, такой сухой и длинный,
Какъ жердь, сказалъ имъ всѣмъ привѣтъ.
И въ рѣчи онъ, сперва, коснулся
И личности покойника, и дѣлъ
Ихъ общихъ; онъ блеснуть хотѣлъ
Всѣмъ краснорѣчіемъ своимъ, и заикнулся.
Нотаріусъ вошелъ. Всѣ разомъ встали
И съ алчностью и злобою въ глазахъ,
Конвертъ съ печатью черной увидали,
И души имъ сдавилъ потери страхъ.

III.

Вотъ воцарилось мертвое молчанье:
Нотаріусъ духовную читалъ.

На лицахъ отражалось ожиданье.
И мнилось, духъ умершаго леталъ
Надъ жадною наслѣдниковъ толпой
И наблюдалъ надъ алчностью земной.
Прочитанъ актъ. И только прозвучали
Послѣднія и грозныя слова,
Наслѣдники вдругъ разомъ закричали:
«Что это ложь, — что дядя ихъ едва
Могъ двигаться, не только что писать».
Нотаріусъ поднесъ имъ завѣщанье;
Онъ показалъ имъ подпись и печать,
И шумное смирилося собранье.
Тутъ въ комнату наслѣдница вошла,
Та дѣвушка, что грустными слезами
И свѣжими душистыми цвѣтами
Прахъ человѣка чуждаго почла.
Наслѣдники, какъ змѣи, зашипѣли —
Но роковой свершился приговоръ.
Надежды ихъ на вѣтеръ полетѣли.
И унося въ душахъ своихъ укоръ,
Они исчезли точно привидѣнья.
На мѣстѣ зла разцвѣлъ любви цвѣтокъ.
Но старый домъ, угрюмъ и одинокъ,
Стоитъ и ждетъ какъ будто возрожденья.

1860. Москва.

---

* * *

Не бываетъ вѣчныхъ грозъ,
Не бываетъ вѣчныхъ бурь,

Отъ тепла пройдетъ морозъ,
Заблеститъ небесъ лазурь.

Такъ за тьмой наступитъ свѣтъ,
И пройдетъ души печаль;
Послѣ слезъ — любви привѣтъ;
А и слезъ бываетъ жаль.

Все смѣняется для насъ
Въ этой жизни суеты.
А бываетъ, что не разъ
Жаль намъ прошлыя мечты.

1860. Москва.

---

* * *

Я званъ на пиръ, на пиръ раздольный.
Пойду! чтобъ шумомъ и виномъ
Порывъ безумный, своевольный
Убить, уснуть на мигъ умомъ.

Тамъ я услышу разговоры
Пустые, правда, но и въ нихъ
Кипятъ страстей житейскихъ споры
Есть отголосокъ чувствъ святыхъ.

И много лицъ разнообразныхъ,
Не оставляющихъ слѣда:

Людей богатыхъ, гордыхъ, праздныхъ,
Отжившихъ сердцемъ навсегда.

Пойду на пиръ съ душой печальной
И позабуду хоть на часъ,
Что гдѣ-то тамъ, въ сторонкѣ дальной,
По мнѣ ужь плакали не разъ.

1860. Москва.

СЧАСТІЕ.

Святое счастье! — это слово
Звучитъ давно ужь на землѣ;
А между тѣмъ, оно такъ ново.
При свѣтѣ дня, въ полночной мглѣ,
Его такъ часто произносятъ.
И тѣ, чья жизнь — одна бѣда,
Его у неба жадно просятъ
И вѣрятъ въ счастіе всегда.

Еще съ тѣхъ поръ, когда надъ міромъ
Духъ зла съ раздоромъ пролетѣлъ,
И стала жизнь не свѣтлымъ пиромъ
И человѣкъ въ страстяхъ созрѣлъ;
Святое счастье стало тѣнью,
Едва замѣтною для глазъ;
И даже подъ любовной сѣнью
Оно обманываетъ насъ.

1860. Москва.

* * *

Небо такъ прозрачно, чисто,
Высь бездонная ясна.
И въ окошко уже смотритъ
Гостья милая — весна.

Еще утреннимъ морозомъ
Сильно хватитъ иногда;
Но къ полудню солнце грѣетъ,
Съ крышъ, журча, бѣжитъ вода.

Вѣтеръ теплый дунетъ съ юга,
И послѣдній снѣгъ съ полей
Сгонитъ разомъ, и тогда-то
Будетъ сердцу веселѣй.

1860. Москва.

---

* * *

Тихо спятъ воспоминанья
Въ глубинѣ души больной.
Я разстался до свиданья,
И доволенъ тишиной.

И безъ бурь, безъ потрясеній
Добрести хочу домой;

А напрасныхъ сожалѣній
Не пошлетъ мнѣ геній мой.

Объ одномъ мои заботы,
Объ одномъ мои мольбы:
Чтобы съ жизнью кончить счеты
И не пасть среди борьбы.

1860. Москва.

---

* * *

Предчувствіе какой-то бури грозной
Сдавило сердце мнѣ тоской.
Ношусь давно я съ думою серьёзной
И призраки ловлю рукой.

Зачѣмъ же я для тайной, дальней цѣли,
Принесъ на жертву сердца миръ,
Всѣ радости, что дымомъ пролетѣли,
Но освящали жизни пиръ?

И вотъ теперь, когда душа заноетъ,
Я вѣрю, что близка бѣда,
Такъ пусть же сонъ глаза мои закроетъ,
Чтобъ я забылся иногда.

1860. Москва

ЗАГЛОХШІЙ САДЪ.

I.

То было разъ весной; сіяла
Природа юной красотой;
Все новой жизнью дышало.
Лучъ солнца жаркій, золотой,
Ласкалъ и листикъ изумрудный,
И пышный царственный цвѣтокъ.
Но острый, теплый вѣтерокъ
Еще прохладой вѣялъ чудной.
И я зашелъ въ старинный садъ,
Чтобъ помечтать тамъ на просторѣ.
Все было дико вкругъ на взглядъ,
Вотъ рядъ дубовъ на косогорѣ, —
Бесѣдка въ ихъ тѣни стоитъ;
Вокругъ нее кусты сирени,
Межъ ними жимолость дрожитъ,
Какъ будто отъ излишней тѣни.
И я пошелъ бродить вездѣ.
Носились утра испаренья
Надъ влажной зеленью; въ прудѣ
Въ осокѣ, въ тинѣ, безъ движенья
Челнокъ забытый догнивалъ.
Надъ садомъ брошеннымъ, напрасно
Весенній день красой сіялъ: —
Онъ пустоты не оживлялъ.
Что было нѣкогда прекрасно,
Все приняло печальный видъ —
И сердце грустію щемитъ.

II.

Напрасно я искалъ слѣдовъ
Прошедшей жизни межъ цвѣтами;
Быть можетъ, много чудныхъ сновъ
Деревья старыя подъ вами,
Во время оно, снилось тѣмъ,
Кто тутъ гулялъ, скрывая думы.
Зачѣмъ же садъ старинный нѣмъ?
Зачѣмъ, печальный и угрюмый,
Скрываешь тайны прошлыхъ лѣтъ?!
Мнѣ стало горько и досадно,
Что все вкругъ пусто, безотрадно,
Когда въ природѣ блескъ и свѣтъ.
Пошелъ изъ саду я печальный, —
И вдругъ... Но какъ вамъ передать?!
То былъ звукъ пѣсни, пѣсни дальной;
Но что за звукъ! Я могъ понять,
Что этотъ голосъ, полный страсти,
Лился изъ груди молодой;
Въ немъ было много нѣжной власти.
И проходили чередой,
Передо мной любви видѣнья,
И свѣтлой молодости сны.
И пилъ я нектаръ наслажденья.
Какъ тихій плескъ морской волны,
Среди безмолвія природы,
Звукъ проносился надо мной.
Такъ въ молодые жизни годы
Я слушалъ пѣніе весной,
И въ мигъ, какой-то чудной силой
Заглохшій оживился садъ.

Цвѣтовъ сильнѣй сталъ ароматъ.
И все отъ звука пѣсни милой
Пришло въ движенье. Подъ дубами,
Какъ будто стало вдругъ свѣтлѣй;
И солнце вѣшними лучами,
Казалось, стало грѣть сильнѣй.

1860. Москва.

* * *

Посмотри, дитя больное,
Въ небѣ жаворонокъ вьется,
А въ груди твоей тревожно
Молодое сердце бьется.

На тебя весной пахнуло,
Сбрось пустыхъ приличій цѣпи!
И вдыхая страстный воздухъ,
Побѣжимъ гулять по степи.

Тамъ нарвемъ цвѣтовъ букеты,
Пѣснью птичкамъ отзовемся.
И въ горячемъ поцѣлуѣ
Мы душами вновь сольемся.

1860. Москва.

* * *

Былъ страшный вѣкъ; костры вездѣ пылали,
И мучениковъ новыхъ жгли на нихъ;
Отъ страха пытки мысли замирали,
И инквизицію святую проклинали
Несчастные въ темницахъ роковыхъ.

Когда подъ видомъ ревности великой
Къ Святой Христовой вѣрѣ, каждый день
Монахъ-палачъ, съ свирѣпостію дикой,
Лилъ кровь людей, мученій слушалъ крики,—
И вкругъ него ложилась смерти тѣнь.

Когда, забывши слово примиренья,
Завѣщанное міру отъ Христа.
Служитель алтаря, не смѣлъ прощенья
Изречь несчастной жертвѣ ухищренья,
И падалъ самъ подъ тяжестью креста.

Въ Испаніи сидѣлъ во тьмѣ чертога
Филиппъ Второй, тотъ злобный, адскій духъ,
Что жегъ людей всегда во имя Бога;
Но подозрѣній страшная тревога —
Его души смертельный былъ недугъ.

А инквизиція свое свершала дѣло,—
Изобрѣтая муки для людей,
Что было только чисто, свято, смѣло,
То на кострахъ торжественно горѣло,
Иль гибнуло подъ пыткой палачей.

Ни золото, ни умъ, ни знатность рода,
Спасти отъ лютыхъ бѣдствій не могли.

Грозила всѣмъ равно тогда невзгода,
Казалось измѣнилась вся природа
И сердце было попрано, въ пыли.

Былъ день одинъ. По площади Мадрида
Народъ ауто-да-фе шелъ смотрѣть.
Казалось жизнь людьми была забыта, —
На зрѣлище страданій шли открыто,
И не боялись на кострахъ сгорѣть.

Вотъ показалось знамя въ отдаленьи,
Клевреты инквизиціи несли
Ужасный знакъ людскаго ослѣпленья;
За нимъ толпа страдальцевъ на сожженье, —
И палачи-монахи ихъ вели.

А вотъ и инквизиторъ величавый,
Своей почетной стражей окруженъ.
Онъ ѣхалъ, какъ на зрѣлище забавы,
Какъ воинъ для стяжанья громкой славы;
Невинныхъ жертвъ его не трогалъ стонъ.

Народъ на землю тотчасъ палъ въ смятеньи.
Но вотъ одинъ, съ поднятой головой,
Съ улыбкою печальнаго презрѣнья,
Въ очахъ съ огнемъ святаго вдохновенья,
Стоялъ надъ въ прахъ склонившейся толпой.

А между тѣмъ, какъ незнакомецъ смѣло,
Держа въ рукѣ пергаментъ, наблюдалъ
Печальную процессію — на дѣло,
Которое такъ міру омерзѣло,
Великій инквизиторъ подъѣзжалъ.

Къ свирѣпому монаху, въ тожь мгновенье,
Безстрашный незнакомецъ подошелъ.

Утихнуло въ толпѣ людской волненье;
Процессія замедлила движенье;
И даже присмирѣлъ упрямый волъ.

Тутъ незнакомца слово загремѣло:
«Монахъ, запомни ты мои слова:
«Проклятіе небесъ уже созрѣло;
«Смотри, давно отъ злобы почернѣла
«Твоя, какъ черепъ голый, голова.

«И знай, что тотъ, кого ты не страшился,
«Твой черный духъ низвергнетъ въ мрачный адъ;
«И для тебя костеръ ужь задымился.
«Иди! Твой жребій грозный совершился.
«Въ часъ гибели твоей міръ будетъ радъ.»

Умолкъ. Вдругъ инквизиторъ зашатался.
Вкругъ зашумѣлъ неистово народъ;
И длинный рядъ монаховъ разметался,
Какъ будто вихрь какой въ толпы ворвался—
Всѣ бѣшено рванулися впередъ.

Смѣшались всѣ. На площади, въ мгновенье,
Разбросаны подмостки и костры;
Подавлены монахи, и смятенье
По городу, какъ бури дуновенье,
Кипѣло всюду до ночной поры.

Когда же пали ночи южной тѣни,
И бурный день смѣнился тишиной,
На мраморныя лѣстницы ступени,
Которыя вели въ пріюты лѣни,
Былъ брошенъ трупъ подъ черной пеленой.

1860. Москва.

* * *

Теперь, когда промчались мимо
Всѣ золотые счастья сны,
Меня зоветъ неумолимо
Въ обитель мира, тишины,
Мой духъ-хранитель; вѣчно строгій,
Онъ грёзы мнѣ велитъ забыть —
Иду другой уже дорогой
Другіе образы любить.
И я иду; но съ сожалѣньемъ,
Порой, назадъ бросаю взглядъ,
Какимъ-то милымъ сновидѣньемъ
Меня еще къ себѣ манятъ
Тѣ безотчетныя волненья,
Восторгъ ребяческихъ затѣй,
Тѣ заблужденья и сомнѣнья,
То упоеніе страстей,
Что жизнь мою такъ золотили.
Но въ путь. Всему есть череда.
Мечты, что прежде мнѣ служили,
Перемѣнились навсегда.

1860.

---

* * *

Я сердцемъ старъ?! Но правда ль это?
По крайней мѣрѣ, говорятъ:
Что у ничтожнаго поэта
Давно всѣ чувства уже спятъ.

Но если опытъ жизни можно
Сердечной старостью назвать,
Тогда согласенъ я, что ложно
Могу я чувства выражать.

Но не смотря, что я такъ много
Обмановъ въ жизни испыталъ —
Я не судилъ ошибки строго
И камень первый не бросалъ

Въ моихъ враговъ; и даже нынѣ,
Когда душа моя больна,
Я еще жду въ моей пустынѣ
Грезъ обольстительнаго сна.

1860. Москва.

---

* * *

Ночь, не ночь, а сумракъ странный:
Въ небѣ двѣ зари горятъ.
Въ вышинѣ, въ дали туманной
Точки свѣтлыя дрожатъ.
Двѣ звѣзды, какъ бы забыты
Въ степи неба голубой,
Смертной блѣдностью покрыты,
Чуть мерцаютъ предъ зарей.

1860. Москва.

СЕРГѢЮ СЕРГѢЕВИЧУ ВОЛКОВУ.

Какъ вздохъ въ печальный часъ разлуки,
Какъ шумъ серебряной волны,
Среди полночной тишины,
Лились мнѣ въ душу ваши звуки.

Безъ словъ они сказали мнѣ,
Что много сердцемъ вы страдали
И что въ душевной глубинѣ
Вы память прошлаго скрывали.

Пусть навсегда въ душѣ у васъ
Остался слѣдъ неизгладимый,
Но лучъ надежды не угасъ
И образъ освѣщалъ любимый.

Когда же сердце вамъ тоской
Сожметъ въ часы хандры иль скуки,
Вы вашей опытной рукой
Вновь извлекете ваши звуки.

И пропоютъ они тогда
Ту пѣсню молодости вѣчной,
Что въ жизни лучшіе года
Пѣвалъ вамъ геній вашъ сердечный.

И скорбь пройдетъ и вы опять
Пойдете въ путь достойной цѣли,
И то, что звуки вамъ пропѣли,
Сведетъ вамъ въ душу благодать.

1860. Москва.

МОРСКАЯ ГЛУБЬ.

Съ высоты гранитнаго обрыва,
Гдѣ внизу колышется волна,
Я люблю смотрѣть въ морскую бездну,
Точно бездна тайнами полна.

Въ глубинѣ прозрачной и бездонной
Точно дышетъ чья-то грудь, порою
Слышенъ вздохъ тяжелый и глубокій,
Будто стонъ, подавленный тоской.

И мнѣ казалось, чьи-то очи
Въ глубинѣ мигаютъ и глядятъ.
И невольно сердце замирало
И отвесть не могъ отъ нихъ я взглядъ.

Приходило мнѣ тогда желанье
Опуститься въ глубь прозрачныхъ водъ.
Точно что туда меня манило
Подъ кристальный съ таинствами сводъ.

И по чемъ-то грудь тоскливо ныла,
Когда я отъ моря уходилъ.
Можетъ быть, то силой роковою
Старецъ-море душу мнѣ давилъ.

1860. Москва.

* * *

На берегу рѣки глубокой
Дивчина грустная сидитъ,
А по щекамъ ея поблекшимъ
Все за слезой слеза бѣжитъ.

Она глядитъ, какъ за волною
Бѣжитъ шумящая волна.
И цѣлый день все ждетъ кого-то
Одной надеждою полна.

Но лишь падутъ ночныя тѣни,
Въ туманъ одѣнется рѣка,
Дивчина пѣсню запѣваетъ
И въ пѣсни той одна тоска.

Она все проситъ, чтобы волны
О миломъ вѣсть примчали ей,
А волны холодны и бурны,
Бѣгутъ безъ словъ и безъ страстей.

И жадно дѣвушка глядится
Съ тоской въ нѣмую глубину,
Ей кажется: тамъ чьи-то очи,
Манятъ, зовутъ ее ко дну.

1860. Москва.

* * *

Во мракѣ душной лѣтней ночи,
Когда я полемъ прохожу,
Передо мною чьи-то очи
Блестятъ во тьмѣ и я дрожу.

И мнится мнѣ, что злаго духа
Гигантская мелькаетъ тѣнь,
Что вѣдьма выскочитъ старуха,
А вслѣдъ за ней лѣсной и стѣнь.

Я слышу стонъ, я слышухохотъ
И свистъ пронзительный порой,
Какой-то гулъ, какой-то грохотъ
И вой за ближнею горой.

Такъ привидѣній страшныхъ стая
За мною скачетъ по пятамъ,
Кругомъ же шепчетъ тьма густая
И вторитъ дикимъ голосамъ.

Но вотъ мой домъ и у порога
Все исчезаетъ, точно прахъ,
А въ сердцѣ все еще тревога,
Туманъ какой-то на глазахъ.

1860. Москва.

* * *

Въ душѣ моей вдругъ шевельнулась
Давно прошедшихъ лѣтъ мечта,
И сердце странно встрепенулось.
Ужель опять воскресла та,
Что отнята была судьбой
У сердца, жившаго борьбой.

Зачѣмъ блеснулъ ты лучъ отрадный?
Ты не согрѣешь душу вновь.
Исчезни жь образъ ненаглядный! —
Къ чему тебѣ моя любовь?
Межъ нами навсегда легла
Бездонная глухая мгла.

О, спи же въ прошлости забвенья
Мечта блаженства моего,
Замрите страстныя волненья.
Не возвратить мнѣ ничего
Изъ тѣхъ надеждъ прошедшихъ лѣтъ,
Что въ сердцѣ выжгли страшный слѣдъ.

1860. Москва.

---

* * *

Какъ послѣ жаркихъ лѣтнихъ дней
Гроза промчится надъ землей

И чудной силою своей
Очиститъ воздухъ; такъ, порой,
Средь счастья нуженъ намъ ударъ,
Чтобъ сердца не остынулъ даръ.

Всѣ жизни горькія утраты
Духъ оживляютъ нашъ борьбой,
И послѣ горя, вмѣсто платы,
Намъ посылается судьбой
Сознанье тѣхъ безмѣрныхъ силъ,
Что духъ безсмертный самъ вмѣстилъ.

Такъ кончивъ страшный смертный бой,
Покрытый кровію враговъ
Приходитъ воинъ въ домъ родной.
Побѣдой гордъ и вновь готовъ
Искать и славы и труда,
Чтобъ жизнь не мчалась безъ слѣда.

1860. Москва.

---

* * *

Въ какомъ-то странномъ состояньи
Моя душа, я полонъ думъ.
И сердце бьется въ ожиданьи
Чудесныхъ сновъ, которыхъ умъ
Намъ никогда не объяснитъ
Но ихъ душа всегда хранитъ.

Бываютъ странныя мгновенья,
И ихъ торжественный покой

Не возмутятъ страстей волненья,
И святотатственной рукой
Съ нихъ тайны не сорветъ покровъ
Ни дерзкій умъ, ни смѣхъ глупцовъ.

Душа какъ будто покидаетъ
Заботы жизни мелочной,
И видитъ то, что насъ пугаетъ,
Что свѣтитъ тайной неземной —
Но въ откровеній чудный часъ
Къ небесному возноситъ насъ.

1860. Москва.

---

* * *

Когда послѣдній жизни звукъ замретъ
И сердце перестанетъ уже биться
Приди тогда надъ прахомъ помолиться
Того, кто образъ твой съ собой возьметъ.
И если вспомнишь ты мой путь печальный,
Мой тяжкій трудъ почтишь своей слезой,
Повѣрь, что духъ мой въ сферѣ неба дальной
Вмигъ озарится радостью святой.

Когда же ты обманешься жестоко
Въ своихъ надеждахъ лучшихъ, о, тогда
Ты вспомни, что есть міръ, гдѣ никогда
Душа твоя не будетъ одинокой.

1861.

---

* * *

Вѣетъ вѣтеръ съ страшной силой
Надъ старой могилой,
Онъ приноситъ вздохъ печальный
Изъ сторонки дальной.

Позабылъ тебя, дивчина,
Бравый козачина.
Онъ забылъ съ другой слюбился,
Съ тобою же простился.

Да, въ сырой землѣ глубоко
Спитъ твой чернооkій,
Видитъ онъ во снѣ вѣнчанье
Съ тобой обручанье.

И сквозь грудь земли холодной
Шлетъ свой вздохъ свободный,
Вздохъ послѣдній, вздохъ печальный
Съ клятвой обручальной.

Можешь, любо, вновь вѣнчаться
Съ другимъ обручаться.
Но, какъ я, онъ не полюбитъ,
Лишь тебя загубитъ.

1861. Москва.

ГРАФУ С. Ѳ. АПРАКСИНУ.

Я видѣлъ васъ, и въ памяти сердечной
Воскресли вдругъ знакомыя черты;
Да, тѣ черты, что въ юности безпечной
Я такъ любилъ за бездну доброты.
И думалося мнѣ, что васъ когда-то
Ужь я встрѣчалъ на жизненномъ пути
И сердца невозвратная утрата
Еще какъ будто вновь должна придти.
Вашъ голосъ кроткій ласки и участья
Обманутую душу къ вамъ влекли —
И вспомнилъ я, что есть на свѣтѣ счастье,
Поверженное въ прахѣ и пыли.
Во мнѣ вы вѣру снова пробудили,
И вашей благородной простотой
Мое больное сердце вы купили
И жизнь опять блеснула мнѣ мечтой.
Я не забуду васъ, въ душѣ глубоко
Мнѣ врѣзался вашъ образъ навсегда,
Все, что добро, прекрасно и высоко
Здѣсь въ жизни не проходитъ безъ слѣда.
Да вѣетъ же надъ вами ангелъ мира
И вечеръ вашей жизни да хранитъ.
Все будетъ прахъ — богатства и порфира,
Но время добродѣтель пощадитъ.

1860. С.-Петербургъ.

МАВРИТАНКА.

Какъ огонь мои лобзанья,
Станъ мой гибокъ, какъ тростникъ,
Тотъ забылъ свои страданья,
Кто на грудь мою приникъ.

Въ жилахъ кровь моихъ клокочетъ
Какъ растопленный свинецъ.
Кто отравы страсти хочетъ,
Пусть похититъ мой вѣнецъ.

Я цвѣтокъ пустыни жгучей,
Ароматъ во мнѣ разлитъ,
Но мой стебель весь колючій
И опасный ядъ таитъ.

Я люблю и измѣняю,
А ко мнѣ идутъ толпой.
Поцѣлуи я роняю,
Изъ за нихъ кипятъ враждой.

Стоитъ мнѣ сказать лишь слово,
Кровь польется вкругъ меня.
Но душой я всѣмъ готова
Искру дать любви огня.

1861. Москва.

* * *

Скажи мнѣ, сердце, отчего ты
Не можешь прошлаго забыть?
Ни бури страсти, ни заботы
Не въ состояньи помрачить
Прошедшихъ дней воспоминанья —
И часто въ грустные часы
Давно уснувшія желанья
Тебя волнуютъ. Такъ росы
Холодной капли исчезаютъ
На раскалившейся землѣ,
А ночью паромъ вылетаютъ
И стынетъ жаръ въ полночной мглѣ.
Да такъ и время охлаждаетъ
Больное сердце, но порой
Съ слезой невольно выпорхаетъ
Прожитыхъ чувствъ шумливый рой.

1861.

---

* * *

Когда смотрю на мрачные соборы,
На рядъ громадныхъ зданій и дворцовъ,
Мнѣ кажется, что каменныя горы,
Покорныя велѣньямъ мудрецовъ,

Подвиглись съ мѣстъ своихъ и совершили
Далекій путь въ край холода и бурь,
И стали тамъ, гдѣ звѣри лишь бродили,
Гдѣ не свѣтла небесная лазурь.
И на болотѣ жизнь вдругъ закипѣла,
Изъ дикихъ камней зданья вознеслись.
И городъ сталъ, и стало много дѣла
Для жителей его. Года неслись,
Все богатѣла странная столица
И каждый годъ все выше и мрачнѣй,
Отъ купола до бронзоваго шпица,
Вздвигались храмы, люди жь холоднѣй
Все становились сердцемъ, и открыта
Теперь душа ихъ лишь для суеты.
Быть можетъ, для холоднаго гранита
Застыли въ нихъ и чувства и мечты.

1860. Москва.

---

* * *

Когда думъ печальныхъ много
Давитъ душу мнѣ порой,
Я спѣшу повѣрить строго
Впечатлѣній разныхъ рой.

Тѣ, что сердце обольщали
Безполезною мечтой,
Я гоню въ пріютъ печали,
Гдѣ нѣтъ жизни съ красотой.

Тѣ, что много вдохновенья
Мнѣ съ собою принесли —
Какъ роскошныя видѣнья
Нашей горестной земли.

Я на днѣ души глубоко
Помѣщаю навсегда,
Пусть живутъ тамъ одиноко,
Но не сгибнутъ безъ слѣда.

1860. Москва.

---

* * *

Прощай! и если въ глубинѣ души
Проснется у тебя воспоминанье,
Его ты силой воли задуши,
Сдержи твое сердечное рыданье.

Пускай же свѣтъ насмѣшкой безпощадной
Святыню чувствъ твоихъ не оскорбитъ,
Своей рукой завистливой и жадной
Кумиръ любви святой не сокрушитъ.

Прощай! тебѣ на память завѣщаю
Отрывки думъ, видѣній, грёзъ моихъ,
На трудный путь тебя благословляю,
Не вспоминай разлуки страшной мигъ.

1860. Москва.

ДВѢ БУРИ.

Душа моя была мрачна
И сердце сномъ тяжелымъ спало;
А въ небѣ молнія сверкала
И грохотала вышина.

Подъ бури тяжкимъ дуновеньемъ
Все гнулось, падало во прахъ.
А я печальнымъ привидѣньемъ
Бродилъ и думалъ о часахъ.

О тѣхъ часахъ, что невозвратно
Упали въ вѣчность навсегда —
О той, чей образъ благодатный
Пропалъ безъ всякаго слѣда.

И бурей смерти устрашенный
Природы бури я забылъ.
Заныло сердце, умъ смущенный
Удѣлъ нашъ горькій осудилъ.

Какъ будто бурѣ неба вторя,
Въ душѣ пронесся ураганъ.
И бездна думъ, какъ волны моря,
Вдругъ покатились въ Океанъ,

Неизмѣримый, необъятный,
Гдѣ мы исчезнемъ, какъ мечта.
Такъ смерти бурей непонятной
Сотрется жизни красота.

1861. Москва.

ТЕБѢ.

Ты, можетъ быть, слѣдишь ревниво
За ходомъ думъ моихъ и грёзъ?!
И осуждаешь молчаливо,
И льешь тихонько много слезъ.

Но, другъ, вѣдь то воспоминанье,
Оно слилось съ моей мечтой —
Все, что любовь или страданье
Дарили въ мигъ мнѣ золотой.

Я позабыть не могъ, а время
Безсильно память истребить.
Мнѣ легче жизни этой бремя
Съ любовью къ прошлому носить.

Но ты, ты мнѣ незамѣнима!
Довѣрь же сердцу моему,
Ты будешь здѣсь и тамъ любима,
Оставь сомнѣнія уму.

1861. Москва.

* * *

Когда я въ лѣтній день лѣниво
Въ тѣни подъ деревомъ лежу,
Въ дали желтѣетъ чья-то нива
И я на ниву ту гляжу.

Отъ нивы взоръ мой переходитъ
На безконечныя поля.
Овецъ тамъ стадо тихо бродитъ —
Покрыта зеленью земля.

Все полно жизни; солнце съ неба
Льетъ животворное тепло,
А люди бьются изъ-за хлѣба,
Когда въ природѣ такъ свѣтло.

И взоръ мой въ небо улетаетъ
И тамъ въ бездонной глубинѣ
Онъ утопаетъ, утопаетъ,
И сладостно и страшно мнѣ.

А бездна неба голубая,
Сіяетъ, искрится, блеститъ,
Всегда спокойная, нѣмая,
Мнѣ душу тайною томитъ.

Приходитъ мнѣ тогда желанье
Умчаться въ высь и межъ міровъ,
Носясь, забыть земли страданье,
И съ вѣчности поднять покровъ.

1861. Москва.

---

* * *

Ее рука холодная дрожала
Въ моей рукѣ, а крупная слеза,

Катясь по щечкѣ блѣдной, застывала
И отражали сердца боль глаза.

Не плакалъ я и не страдалъ, но тупо
Смотрѣлъ на грустно-милыя черты,
Я чувствовалъ, что слово будетъ глупо,
Что въ сердцѣ было много пустоты.

Уѣхалъ я въ какомъ-то одуреньи,
Но черезъ часъ вдругъ страшно стало мнѣ —
Душа заныла въ тягостномъ волненьи,—
Услышалъ я вздохъ грустный въ вышинѣ.

И понялъ я, что этотъ вздохъ печальный
Меня на муку долгую обрекъ.
А блѣдный ликъ съ слезой ее прощальной
Всю жизнь мнѣ будетъ горестный упрекъ.

* * *

Прошедшихъ дней святое вдохновенье,
Какъ много разъ тебя я вызывалъ,
Но ты не шло, а злобное сомнѣнье
Терзало сердце мнѣ, и я страдалъ.

Страдалъ за то, что горько обманулся
Во всемъ, во что такъ вѣрилъ не шутя —
И что плода запретнаго коснулся,
Когда еще я сердцемъ былъ дитя.

Страдалъ за то, что грезы золотыя,
Меня опять не могутъ обольстить,
За то чувства блудно прожитыя
Я не могу нигдѣ уже купить.

А съ чувствами умчалось вдохновенье
И я такъ много много пролилъ слезъ.
О, рѣдкій гость! приди жь хоть на мгновенье
И принеси съ собой всѣ чары грезъ.

1861. Москва.

---

* * *

Шумитъ рѣка; бушуя волны
Все вдаль безъ устали бѣгутъ.
Все говорятъ онѣ о чемъ-то,
Смѣются ль, просятъ иль клянутъ.

На берегу высокомъ стоя,
Въ шумъ волнъ я вслушивался разъ,
Окрестность ночи тѣнь скрывала
И лучъ зари вечерней гасъ.

Я вдругъ услышалъ голосъ тихій;
Онъ былъ похожъ на чей-то вздохъ,
Онъ изъ волны ко мнѣ принесся,
И я сталъ слушать, сколько могъ.

«Ты хочешь знать, о чемъ мы вѣчно
«Между собою говоримъ.

«Мы говоримъ о нашей долѣ,
«Мы лучшей участи хотимъ.

«Взгляни! Мы такъ, какъ вы въ неволѣ —
«Однообразенъ долгій путь,
«И берегами, какъ цѣпями,
«На вѣкъ охвачена намъ грудь.

«Мы ждемъ, какъ вы, иной свободы,
«И знаемъ, что настанетъ день,
«Когда велѣньемъ высшей силы,
«На вѣкъ исчезнетъ ночи тѣнь.

«Другое солнце насъ освѣтитъ,
«Мы васъ не будемъ ужь пугать.
«Намъ дастся новое значенье,
«Въ насъ тоже будетъ благодать.»

Тутъ съ шумомъ вѣтра голосъ слился.
Но видѣлъ я и въ тьмѣ ночной,
Какъ бѣлой пѣною блистая,
Волна бѣжала за волной.

1861. Москва.

---

* * *

(С. С. Волкову).

Когда съ молитвой въ часъ страданья
Я возношусь къ Творцу душой,

Добра и зла воспоминанья,
Тогда встаютъ передо мной.

И я молюсь за тѣхъ сердечно,
Кто мнѣ съ любовью въ горькій часъ
Помогъ; вѣдь, въ жизни скоротечной
Добро такъ памятно для насъ.

Такъ ваше имя въ часъ молитвы
Я буду поминать всегда,
Чтобъ средь печальной жизни битвы
Не сокрушила васъ бѣда.

1861. Москва.

---

* * *

Когда послѣ долгихъ страданій
Надежда исполнится вдругъ,
Нѣтъ страстныхъ во мнѣ содроганій,
И сердца тяжелый недугъ
Проходитъ не скоро. Мнѣ мнится,
Что счастье — обманчивый сонъ,
Мгновенно лишь только продлится
И въ пропасти зла погруженъ
Очнусь я, и чудныя грезы,
Мнѣ страшную боль причинятъ,
И снова горючія слезы
Польются и душу смутятъ.

Глубоко вонзилось сомнѣнье
Мнѣ въ душу, гдѣ мракъ и бѣда,
Я вѣрю въ страстей вдохновенье,
Но въ счастье почти никогда.

1860. Москва.

---

* * *

Здравствуй, птичка щебетунья,
Вѣстникъ радостной весны,
Ты, воздушная болтунья,
Вѣрно съ теплой стороны.

Но не рано ль прилетѣла
Въ край холодный изъ-за горъ,
Ты для солнца юга пѣла,
Здѣсь же бурь услышишь хоръ.

1861. Москва.

---

* * *

Когда я стану образомъ незримымъ,
Стряхнувши прахъ житейской суеты,
Я не покину мысли быть любимымъ
И милыя твои ласкать черты.

И въ часъ, когда надъ грѣшною землею
Полночный мракъ прострется пеленой,
Я надъ тобой причудливой мечтою
Носиться буду въ тишинѣ ночной.
Прислушаюсь, какъ сердце твое бьется,
Нескромный бредъ подслушаю порой,
И изъ незримыхъ глазъ моихъ польется
Незримая слеза вдругъ надъ тобой.
И ты почувствуешь какое-то дыханье
И сердце у тебя забьется вдругъ сильнѣй —
А по душѣ скользнетъ воспоминанье
О другѣ пролетѣвшихъ свѣтлыхъ дней.
И съ устъ твоихъ слетитъ къ Творцу молитва.
Я также помолюсь, мой другъ, съ тобой.
И обоимъ намъ легче будетъ битва —
Тебѣ съ страстями, мнѣ съ моей судьбой.

1860. С.-Петербургъ.

---

* * *

Ночь тиха. Весны дыханьемъ
Воздухъ теплый напоенъ,
Ароматомъ и лобзаньемъ
Мнѣ на грудь повѣялъ онъ.

И въ груди проснулось много
Погребенныхъ чувствъ и думъ.
Встало все, что уже строго
Осудилъ холодный умъ.

Приходите жь страсти грезы,
Я приму васъ въ сердце вновь,
Разцвѣли съ весною розы —
Разцвѣтай же и любовь.

1861. Москва.

* * *

Когда на голосъ мой печальный
Ты отзовешься, милый другъ,
И мнѣ пошлешь въ мой уголъ дальній
Привѣтъ любви; души недугъ
Тогда затихнетъ на мгновенье —
Я вспомню грезы прошлыхъ лѣтъ —
Меня охватитъ вдохновенье,
И я пришлю тебѣ отвѣтъ.
О, ради счастія былаго,
Прошу, не дай заглохнуть мнѣ
Въ пустынной дальней сторонѣ —
И память утра золотаго
Въ душѣ моей ты воскрешай;
Тогда пройду мой путь терновый
Съ надеждой въ свѣтлый жизни рай,
И даже холодъ лѣтъ суровый
Не охладитъ ужь той мечты,
Что возсоздашь любовью ты.

1861. Москва.

* * *

Сіяетъ божій храмъ огнями,
Народу что-то много тамъ,
И фиміамъ въ верху волнами,
И чудный блескъ по образамъ.
То чья-то свадьба. Предъ налоемъ
Готова брачная чета.
Полна торжественнымъ покоемъ
Стоитъ невѣста. Красота
Ея печальна, ни кровинки
На бѣломраморномъ лицѣ —
И мнилось мнѣ, что на поминки
Она пріѣхала въ вѣнцѣ.
Женихъ, бросая взоръ печальный,
На жертву бѣдную глядитъ —
Не видитъ онъ слезы печальной,
Что на глазахъ у ней блеститъ.
Я въ той слезѣ прочелъ невольно,
Что жизнь на вѣкъ схоронена.
И что другими своевольно
Она на муку продана.
А тутъ вкругъ шопотъ раздается:
Вотъ счастье нищей Богъ послалъ.
Вѣдь безъ приданаго берется.
Дурна, блѣдна, а онъ всѣмъ взялъ.
Мнѣ стало страшно, сердце сжалось,
Казалось смутно мнѣ тогда,
Что вся святыня содрогалась,
И голосъ страшнаго суда

Подъ сводомъ храма прокатился
И сводъ затрясся надъ мной
Не помню, какъ я очутился
На улицѣ во тьмѣ ночной.

1861. Москва.

---

* * *

Мой трауръ — прожженное сердце
Горючей и ѣдкой слезой,—
Его никогда мнѣ не скинуть,
И жизнь не страшна мнѣ грозой.

Я выдержалъ бурю утраты,
И счастье потеряно съ ней.
Душой побѣдилъ искушенья,
И думы безсонныхъ ночей.

И такъ закаленъ я довольно.
Какой еще трауръ носить!
Я сталъ воплощенье печали,
Которой нельзя утолить.

---

* * *

Я жить хочу, чтобъ каждое мгновенье
И наблюдать, и думать, и страдать,
Чтобъ въ часъ, когда слетаетъ вдохновенье
Мечты и думы въ формы воскрешать.

Я жить хочу, чтобы слезу несчастья
У ближняго подмѣтить иногда
И отвѣчать ему слезой участья
И руку протянуть ему тогда.

Я жить хочу, чтобъ чувства не безплодно
Въ моей душѣ угасли для людей,
Что все, что свято, чисто, благородно,
Я могъ любить средь горя и страстей.

Пускай же жизнь волнуется, какъ море,
И каждый разъ бѣдою мнѣ грозитъ,
Я жить хочу, пускай въ тяжеломъ спорѣ
Мой духъ все злое въ жизни побѣдитъ.

1861. Москва.

* * *

Съ весенними днями и къ намъ принеслось,
Мой другъ, мимолетное счастье.

И въ души съ отрадой опять полилось
Блаженство любви; и ненастье
И черныя думы исчезли, какъ тѣнь.
Оцѣнимъ же мигъ наслажденья.
Коротокъ для радости жизненный день,
Но много онъ дастъ вдохновенья.
Мы вспомнимъ съ тобой молодыя мечты,
Намъ душу ласкавшія страстно.
Мы вспомнимъ забытыя въ горѣ черты —
И все, что прошло не напрасно
Для насъ въ этой жизни. И взглянемъ опять
На ясное небо съ надеждой,
Что тамъ мы не будемъ ужь больше страдать —
Одѣты безсмертной одеждой.

1861. Москва.

* * *

Вотъ по небу искрой лучезарной
Вновь летитъ падучая звѣзда;
Блескъ ея то красный, то янтарный,
Рубиновый, зеленый иногда.

Но не блескъ звѣзды меня волнуетъ
Мысль, что тамъ въ небесной вышинѣ
По упавшей звѣздочкѣ тоскуетъ
Вѣчный духъ въ таинственномъ огнѣ.

Что съ звѣздой онъ долго неразлучно
Свои думы страстныя дѣлилъ,
Что онъ пѣлъ съ ней гимнъ свой сладкозвучный,
Ее кроткій блескъ онъ такъ любилъ.

Но она упала; въ слѣдъ за нею
И онъ въ бездну ринуться бъ хотѣлъ,
А ему, какъ древле Прометею,
Рокъ назначилъ тягостный удѣлъ.

Духъ печально смотритъ одинокій
На подруги милой блѣдный слѣдъ
Видитъ онъ, изъ бездны той глубокой —
Для звѣзды къ нему возврата нѣтъ.

1861. Москва.

---

* * *

Разъ, я, лѣтней теплой ночью.
Безъ сомнѣнья, безъ печали,
Наблюдалъ, какъ въ небѣ звѣзды
Колебались и дрожали.

И въ душѣ вопросъ родился:
Тамъ, въ той безднѣ необъятной,
На звѣздахъ живутъ ли люди
Съ горемъ, съ мыслью благодатной.

Неужели міръ пустыня?
Неужели Провидѣнье
Только землю населило,
Давъ ей жизни наслажденье?

И пока душой тревожной
Ждалъ я съ трепетомъ отвѣта,
По лазурной тверди неба
Покатилась искра свѣта.

Надо мной она блеснула
И качаясь, какъ лампада,
Въ ясномъ воздухѣ повисла,
Въ душу жь мнѣ влилась отрада.

Бѣдный труженникъ мыслитель ,
Искра мнѣ заговорила.
Развѣ будетъ жизнь счастливѣй
И теплѣй твоя могила,

Когда ты узнаешь тайны,
Что отъ смертнаго сокрыты;
Вѣрь, любовію безконечной
Люди не были забыты.

Тамъ!.. но вѣчность вѣдь ужасна —
Вся душа твоя истаетъ,
Какъ увидитъ безпредѣльность
И грядущее узнаетъ.

Я тебѣ скажу одно лишь:
Мы, что блещемъ вамъ привѣтно,
Какъ и вы, живемъ, страдаемъ
И исчезнемъ незамѣтно.

«Но любовь — вотъ жизни сила».
Тутъ вдругъ искра замолчала
И блеснувъ, какъ лучъ зарницы,
Въ высотѣ небесъ пропала.

1861. Москва.

ВЪ САДУ.

I.

Старинный садъ, гдѣ въ дѣтствѣ много
Я видѣлъ призраковъ и грёзъ,
Какою дальнею дорогой
Подъ сѣнь твою отъ жизни грозъ
Пришелъ укрыться я на время —
Послушать кленовъ старыхъ шумъ,
Съ души на время сбросить бремя
Всѣхъ мелочныхъ заботъ и думъ.
Лежу подъ кленомъ; надо мною
Объ чемъ-то шепчутся листы
Стоятъ недвижимы кусты,
И воздухъ душенъ сталъ отъ зноя:
Но вкругъ меня еще прохлада —
Напрасно солнце съ вышины
Лучи бросаетъ, въ сумракъ сада
Жаръ не проходитъ. Точно сны
Мелькаютъ тѣни отъ вѣтвей.
Вотъ птичекъ голосъ раздается
И страшной трелію несется,
Живѣй! пернатыхъ хоръ, живѣй!

II.

Я слушалъ листьевъ шепотъ странный
И разсказали мнѣ они
Давно душой моей желанный,
Случившійся въ былые дни,
Романъ любви. И вотъ вставала
Передо мною чья-то тѣнь.
Она снимала покрывало,
И отъ меня бѣжала лѣнь.
Какъ прежде сердце вдругъ забилось,
Кровь закипѣла въ жилахъ вновь.
И думалъ я, что возвратилась
Моя прошедшая любовь.
Знакомый голосъ зазвучалъ
И призракъ съ грустью мнѣ сказалъ:
«Всмотрись въ знакомыя черты,
«Я та же, что была и прежде,
«А ты разбилъ свои мечты,
«И измѣнилъ своей надеждѣ.
«Свои слова ты позабылъ
«И въ душу допустилъ сомнѣнье.
«Ты помнишь разъ мнѣ говорилъ:
«Пускай святое Провидѣнье
«Пошлетъ мнѣ много бурь и бѣдъ,
«Я сохраню любви обѣтъ.
«Въ моей душѣ найду я силы
«Бороться съ свѣтской суетой,
«И такъ дойду я до могилы,
«Исполнивъ жизни долгъ святой».

III.

Замолкнулъ голосъ; и видѣнье
Туманомъ легкимъ разнеслось.

Давило душу сожалѣнье,
А въ сердцѣ что-то порвалось.
И прожитые жизни годы
Вставали грозно предо мной—
Моя борьба, страстей невзгоды,
Вся пошлость жизни мелочной.
Мнѣ горько стало, что сомнѣнья
И страсти душу мнѣ гнели,
Что всѣ святыя вдохновенья,
Мнѣ пользы мало принесли.
Такъ думалъ я — и листья клена
Шептались съ вѣтромъ въ вышинѣ.
Свѣтило солнце съ небосклона,
Природа улыбалась мнѣ.
Вблизи и ландышъ серебристый
Кивалъ головкою душистой;
Глазъ незабудки голубой
Глядѣлъ изъ подъ куста такъ нѣжно.
Я жь отдыхалъ душой мятежной,
Разбитой жизненной борьбой.

1861. Москва.

---

* * *

Скоро сброситъ саванъ снѣжный
Сонная природа —
Смолкнетъ вѣтра шумъ мятежный,
Стихнетъ непогода.

И дохнетъ весна отрадно
Сладостнымъ дыханьемъ,
И душа запроситъ жадно
Вновь любви съ лобзаньемъ.

Но у всѣхъ ли вновь проснется
Сердце къ жизни новой?
И отъ всѣхъ ли унесется
Холодъ лѣтъ суровый?

Счастливъ, кто съ весной помчится,
Какъ ребенокъ, въ полѣ.
И начнетъ играть, рѣзвиться,
Безъ стыда на волѣ.

1861. Москва.

---

* * *

Она любила очень розы,
А я любилъ левкой.
Она любила шумъ и грозы,
А я любилъ покой.

Отъ скуки страстной изнывая,
Она его ждала.
И свѣтъ коварнымъ называя,
Всегда грустна была.

А я любилъ красы природы,
И жизнь любилъ.

*

Я веселъ былъ и въ часъ невзгоды.
Избыткомъ свѣжихъ силъ.

Мы разошлись. Она увяла
Отъ вздоховъ и отъ слезъ.
Меня судьба ужь какъ ломала,
Но все я перенесъ.

---

* * *

Когда сумракъ лѣтней ночи
На землю падетъ,
Для чего мнѣ смотришь въ очи?
Взоръ твой сердце жжетъ!

Ты, малютка, мнѣ волнуешь
Только даромъ кровь.
Для чего меня цѣлуешь,
Шепчешь про любовь.

Я не старъ, душа готова
Страсти выпить ядъ.
Согрѣшить могу я снова,
Красота мнѣ кладъ.

Но вѣдь ты еще ребенокъ,
Не подъ пару мнѣ.
Голосъ твой такъ страстно звонокъ,
Сердце все въ огнѣ.

Увлечешься ты въ мгновенье
Безъ любви, мой другъ,
Послѣ плачъ и сожалѣнье
И въ душѣ недугъ,

Будутъ вѣкъ тебя тревожить
За проступокъ твой.
Гордый свѣтъ прощать не можетъ,
Онъ живетъ молвой.

Такъ простимся же съ тобою,
Геній чистоты —
Скроюсь я съ моей борьбою
Въ морѣ суеты.

1861. Москва.

---

* * *

Какъ много силъ потрачено напрасно
Въ борьбѣ съ нуждой, съ заботой мелочной,
И рвался я моей душою страстной
Къ свободѣ мысли, къ красотѣ земной.
Но умъ мой спалъ — и глохнули безплодно
Таланта драгоцѣнные дары.
А время шло; рукой его холодной
Сгущалися невѣдѣнья пары
И заслоняли свѣтъ, а вдохновенье
Безсильно было образы творить.
Какой-то свѣтъ мелькалъ мнѣ въ отдаленьи;
Но я ему не вѣрилъ. Своротить

Съ глухой дороги долго я не могъ,
Такъ духъ мой утомился отъ тревогъ.
Но, наконецъ, на новый жизни путь
Я вышелъ и обвѣянный свободой
Пошелъ впередъ — и жажду отдохнуть
На лонѣ мысли съ чудною природой.

1861.

---

* * *

Напрасно ты меня прельщаешь
Людской измѣнчивой хвалой,
Напрасно славу обѣщаешь,—
Мой другъ, мнѣ нуженъ лишь покой.

Въ тѣ молодые жизни годы,
Когда сіяли предо мной
И красоты нѣмой природы,
И красоты судьбы земной,

Я полонъ жажды былъ чудесной
И славы и геройскихъ дѣлъ,
И улеталъ въ міръ неизвѣстный,
И тамъ я царствовать хотѣлъ.

Искалъ таинственнаго клада —
Искалъ безсмертія ключа,
И въ душу мнѣ лилась отрада,
Когда я вѣрилъ съ горяча,

Что суждено мнѣ быть героемъ
И тайны чудныя открыть.
Тогда не зналъ, что съ жизни боемъ
Опасно смертному шутить.

Но тѣ года прошли, и съ ними
Восторгъ и дѣтскія мечты,
И сны съ дворцами золотыми
И жажды битвъ. Прахъ суеты

Давно покрылъ той жизни грезы,
Давно замолкъ разгульный пиръ.
Другія чувства, страсти, слезы,
Узналъ другой я новый міръ.

Узналъ, что слава — обольщенье,
Хвала людская — звонъ пустой,
Что продается уваженье,
И что торгуютъ красотой.

Я слово далъ себѣ: для свѣта
Великихъ жертвъ не приносить,
Никто не вырветъ у поэта
Тѣхъ фразъ, что могутъ только льстить.

1861. Москва.

* * *

Сердце страстныхъ звуковъ проситъ
И лобзаній ждутъ уста,

А мечта меня уноситъ
Въ вѣчно милыя мѣста.

Вижу тополь я душистый
Свѣтомъ мѣсяца облитъ,
Слышу голосъ серебристый
Пѣснью въ воздухѣ звенитъ.

Вижу, тѣнь ее мелькаетъ
По тропинкѣ межъ кустовъ,
Сердце страстно замираетъ,
Ночь полна чудесныхъ сновъ.

Все я вспомнилъ; сердце снова
Проситъ ласкъ, любви и грезъ.
Ждетъ душа роднаго слова.
Чтобъ забыть всю горечь слезъ.

1861. Москва.

---

* * *

Прошелъ недугъ, и на душѣ легко,
Опять вокругъ я слышу жизни звуки.
Опять я къ свѣту простираю руки —
И горе отъ меня такъ далеко.

Я еще слабъ; но чувствую, что силы
Живительной струей бѣгутъ въ груди,

Мнѣ вновь мечты и люди стали милы
И долгій трудъ не страшенъ впереди.

Какъ міръ хорошъ! Какъ блещутъ небеса!
Какъ радостенъ мнѣ солнца лучъ игривый!
И слушаю я птичекъ голоса,
И наслаждаюсь грезою лѣнивой.

Зло прошлое промчалось, какъ гроза,
Изъ сердца вновь молитвы излетаютъ
Тому, кто въ жизни радость посылаетъ —
А за молитвой катится слеза.

1861. Москва.

* * *

Цвѣты на могилѣ твоей разцвѣли,
И тѣнь отъ кудрявой березы легла,
И яркая зелень взошла изъ земли,
А въ гробѣ твоемъ только холодъ и мгла.

И милый твой образъ померкъ и истлѣлъ,
Роскошный твой станъ обратился въ костякъ.
А сердце, гдѣ страсти огонь пламенѣлъ,
Все гложетъ и гложетъ могильный червякъ.

Зачѣмъ надъ могилой твоей такъ свѣтло?
Къ чему отъ цвѣтовъ тутъ такой ароматъ?

О, еслибы солнце могилу прожгло
И жизнь воротило бы въ трупъ твой назадъ!

О, еслибы могъ я слезой и мольбой
Холодный твой прахъ, разогрѣвъ, оживить!
Молиться бъ и плакать я сталъ надъ тобой,
Чтобъ послѣ всю вѣчность безмѣрно любить.

Но нѣтъ, ни слеза, ни слова, ни мольбы
Въ могилу къ тебѣ ужь теперь не дойдутъ.
Напрасно я буду просить у судьбы
Сокровища, прахомъ покрытаго тутъ.

Прощай же на вѣки могила въ цвѣтахъ,
Ты кажешься мнѣ лишь насмѣшкою злой.
Какъ образъ злодѣя въ притворныхъ слезахъ,
Какъ въ злато оправленный черепъ гнилой.

1861. Москва.

* * *

Когда надъ степью ляжетъ ночи тѣнь,
Я выхожу туда, и на просторѣ
Дышу прохладнымъ воздухомъ, и лѣнь
Моя проходитъ. Точно волны въ морѣ,
Колышется высокая трава
Подъ вѣтеркомъ ночнымъ; а на курганѣ
Зари послѣднимъ отблескомъ едва

Освѣщена виднѣется въ туманѣ
Огромная и мшистая плита.
И на курганъ могильный одинокій
Летитъ моя капризная мечта,
И думою смѣняется глубокой
О дняхъ давно прошедшихъ навсегда.
И предо мной встаетъ иное время,
Иная жизнь, людей другое племя —
Отжившее въ семъ мірѣ безъ слѣда.
И лишь однѣ высокія могилы
Въ степяхъ широкихъ что-то говорятъ
Съ свободнымъ вѣтромъ. Тайныя ли силы
Еще живутъ въ нихъ! Или тѣней рядъ
Проносится порою надъ степями,
Осматривая свой забытый прахъ,
Все полно тамъ таинственными снами,
И иногда въ душѣ родится страхъ,
Когда на мысль приходитъ мнѣ порой,
Что вся земля, что я топчу ногами,
Изъ праха человѣка. Грозный рой
Умершихъ поколѣній предъ очами
Невольно возстаетъ — и всѣ идутъ
На страшный и послѣдній судъ.
Что было камнемъ, деревомъ, землей
Опять вдругъ стало плотію живой.
И я все вдаль гляжу; и степь кругомъ
Подъ звѣзднымъ небомъ дышетъ чудной тайной,
И слышится во мракѣ мнѣ ночномъ
Какой-то шумъ, иль звонъ необычайный.

1861. Москва.

* * *

Ты спишь, душа моя, я радъ —
Спи! пока бурныя дыханья
Страстей твой сонъ не возмутятъ.
Сбирайся съ силой для страданья.
Еще не разъ воспрянешь ты,
Когда обманешься жестоко
И разобьешь свои мечты.
То, что любила ты глубоко,
Разоблачится предъ тобой
И станетъ грязно. О, тогда-то —
Ты упадешь передъ судьбой.
За все, что было чисто, свято,
И что вдругъ стало только прахъ,
Прольешь отчаянія слезы,
Но не найдешь ты въ тѣхъ слезахъ
Себѣ покоя. Счастья розы
Въ разбитомъ сердцѣ не цвѣтутъ,
Мольбы надеждъ намъ не вернуть.

1861. Москва.

---

* * *

Когда среди веселья пира
Встрѣчаю я твой грустный взоръ,
За даръ потерянаго мира
Въ душѣ я чувствую укоръ.

Въ твоихъ глазахъ я вижу много
Тѣхъ тайныхъ и незримыхъ мукъ,
Что сердце вѣчною тревогой
Терзаютъ. Этотъ злой недугъ
Жизнь незамѣтно точитъ, точитъ,
Не вызывая даже слезъ.
Зачѣмъ твой взглядъ всегда пророчитъ
Мнѣ въ жизни много страшныхъ грозъ?
Встрѣчаюсь я съ тобой безмолвно
И взглядъ очей твоихъ ловлю,
И сердце странной грусти полно —
Но эту грусть я такъ люблю.

1861. Москва.

* * *

Полдневный жаръ цвѣты мои спалилъ —
Они теперь въ саду моемъ завяли.
И вспомнилъ я, какъ много жизни силъ
Огонь страстей во мнѣ самомъ сгубилъ,
Оставивъ мнѣ сомнѣнья да печали.

Но дождь полилъ, я небеса
И бури звалъ сердитое дыханье,
А въ сердцѣ накипѣвшая слеза
Туманила уже мои глаза
За прошлое святое воздаянье.

И закипѣла желчь въ душѣ моей.
Я сталъ желать, чтобъ все кругомъ пылало,
Но небо становилось все мрачнѣй
Сдвигались тучи гуще и сильнѣй
И съ запада ужь буря налетала.

1861. Кузнецкъ, Саратовской.

---

* * *

Я смотрю на сводъ небесный, чистый,
Онъ звѣздами вѣчными горитъ,
Но межъ звѣздъ, оставивъ слѣдъ огнистый
Надъ землей, въ безвѣстный путь спѣшитъ
Странникъ неба — чудная комета,
Нѣтъ ей въ небѣ вѣчнаго гнѣзда.
Она вѣстникъ зла была для свѣта
И теперь печальная звѣзда.
И напрасно умъ людской трудится
Отыскать таинственный законъ:
Для чего, куда она стремится?
Чѣмъ ее прозрачный шаръ зажженъ?
Каждый разъ съ какой-то грустью новой
За скитальцемъ неба я слѣжу.
И мнится мнѣ: что судъ ее суровый
Осудилъ — мнѣ страшно, я дрожу
При мысли, если въ безднѣ неба вѣчной
Придется такъ душой моей блуждать,
И совершая путь тотъ безконечный
Забыть, что есть прощенья благодать.

1861. Кузнецкъ, Саратовской

---

* * *

Дитя, вотъ два пути передъ тобой:
Одинъ — заманчивый, широкій и блестящій,
Утѣхами и радостью манящій;
Другой — тернистый съ горемъ и борьбой.

Ты станешь на распутьи двухъ путей
И спросишь у судьбы своей невольно:
Идти ль туда, гдѣ такъ свѣтло, раздольно,
Гдѣ жизнь пойдетъ средь оргій и страстей?

Или туда, гдѣ каждый шагъ — страданье,
Гдѣ долгъ и честь могучею рукой
Ведутъ къ добру; гдѣ сердце жжетъ тоской
За каждое неправое дѣянье?

Молись тогда: чтобъ геній добрый твой
На путь любви, страданья, благодатный
Повелъ тебя; а путь страстей превратный
Забудь на вѣкъ, какъ призракъ роковой.

1861. Кузнецкъ.

---

* * *

На небѣ вечернемъ пылаютъ зарницы,
Надъ степью волнуется бѣлый туманъ,

А я наполняю стихами страницы,
И точится кровь изъ открывшихся ранъ.
Что въ сердцѣ остались отъ жизненной битвы.
Въ часъ вечера тихій пишу я мой счетъ
И думу готовлю на подвигъ молитвы,
На часъ, когда спросится въ жизни отчетъ.

1861. Кузнецкъ.

---

* * *

Сгустился сумракъ лѣтней ночи.
И надъ уснувшею землей,
Луна лампадой золотой,
Виситъ и смотритъ людямъ въ очи.
Холодный свѣтъ ее всегда
На думы странныя наводитъ:
Въ душѣ печаль, сомнѣнье бродитъ
И воскресаютъ иногда
Тѣ позабытыя желанья,
Тѣ вѣчно грѣшныя мечты,
Что затемняли упованья,
Въ святыню вѣчной красоты.

1861. Кузнецкъ.

* * *

На вечернемъ небѣ мчатся тучи,
И вдали сбирается гроза,
Ночь придетъ и буря разразится
И отъ молній вспыхнутъ небеса.

Грянетъ громъ и многіе отъ страха
Въ страшный часъ молитву сотворятъ,
Злыя души въ мракѣ содрогнутся.
Вѣдь, не даромъ молніи летятъ.

На такихъ же пламенныхъ перунахъ
Въ часъ послѣдній страшнаго суда,
Полетятъ на землю херувимы,
А за ними вѣчной правды мзда.

Отъ того, когда во мракѣ ночи
Грянетъ громъ и молнія блеснетъ,
Горячо молюся я за ближнихъ,
И слеза не разъ въ глазахъ сверкнетъ.

1861. Кузнецкъ.

---

* * *

Вотъ и лѣто красное проходитъ,
И какъ будто тускнетъ неба цвѣтъ,

То порой холодный вѣтеръ дунетъ,
То туманъ заслонитъ солнца свѣтъ.

И по небу тучки дождевыя
Чаще сѣрымъ пологомъ висятъ.
Всѣ цвѣты давно поблекли въ полѣ.
Птицы въ теплый край уже летятъ.

Все въ природѣ блекнетъ, и невольно
Навѣваетъ много грустныхъ думъ,
Взоръ промчится въ степи опустѣлой,
Тамъ дождя да вѣтра слышенъ шумъ.

Собранъ хлѣбъ съ полей, въ садахъ деревья
Безъ плодовъ стоятъ, и желтый листъ
Съ нихъ летитъ на смокнувшую землю;
Этотъ листъ печально золотистъ.

Счастливъ тотъ, кто лѣтомъ потрудился,
Кто на зиму въ житницу свою
Положилъ въ запасъ всего довольно —
Обезпечилъ всѣмъ себя, семью.

Счастливъ тотъ, кто въ жизненное лѣто
Не растратилъ даромъ своихъ силъ,
И въ запасъ на осень, зиму жизни
Капиталъ изъ добрыхъ дѣлъ скопилъ.

1861 Кузнецкъ.

* * *

Грядущее покрыто мглою,
Но въ прошломъ жизнь твоя свѣтла;
Когда я встрѣтился съ тобою,
Ужь наша молодость прошла.

На жизнь смотрѣли мы печально
И пѣсня радости для насъ
Звучала пѣснью погребальной,
Напоминая близкій часъ.

Когда охватитъ сердце холодъ
И тѣло прахомъ упадетъ.
Блаженъ, кто духомъ вѣчно молодъ,
Кто жизнь, какъ праздникъ проведетъ.

И часто мы съ тобой сидѣли
Съ улыбкой грустной на устахъ
И въ даль грядущаго смотрѣли,
Скрывая нашъ сердечный страхъ.

И хорошо, что мы разстались
Безъ скуки желчной, безъ борьбы,
И въ нашей памяти остались
Одни лишь вздохи да мольбы.

1861. Кузнецкъ

* * *

Осеннія тучи по небу рядами,
Гонимыя вѣтромъ, летятъ
И сѣется дождикъ, и желтые листья
Какъ будто слезами блестятъ.

Я слушаю вѣтра печальныя пѣсни
И сердце сильнѣе ноетъ въ груди,
И счастья и радостей много погибло,
Ненастье одно впереди.

И вотъ задрожали въ душѣ моей звуки
Тѣ звуки прощанія стонъ,
И съ жалобной пѣснію вѣтра слилися,
Душа погрузилася въ сонъ.

---

* * *

Земля покрылась снѣжной пеленой,
Природа въ сонъ глубокій погрузилась,
Въ душѣ моей съ печальной тишиной
Какая-то холодность воцарилась.
И одинокій я сижу безъ думъ,
Идеи не волнуютъ гордый умъ.
Бунтующая страсть вдругъ притаилась
И старая затихла въ сердцѣ боль,
А желчи разъѣдающая соль,
Какъ будто бы на время притупилась.

О, Боже мой! какъ дорогъ мигъ забвенья
Послѣ борьбы и всѣхъ житейскихъ грозъ.
Какія чудныя и странныя видѣнья,
Какъ много благодатныхъ свѣтлыхъ грезъ
Я вижу въ часъ забытья, и какъ много
Благодарю я бурную мятель
За то, что стихла на душѣ тревога
И кроткая мнѣ слышится свирѣль.

1861. Кузнецкъ.

* * *

Всюду голосъ о свободѣ,
Жажды правды и добра;
А вездѣ сильнѣй страданье.
Стала смутная пора.

Море жизни сверху тихо,
Но страшна та тишина;
Налетитъ внезапно вихорь,
Смерть поднимется со дна.

Вотъ тогда-то нужны силы,
Словомъ бурю не смиришь.
Духъ безсмертный, полный вѣрой
Ты одинъ все побѣдишь.

Іюнь 1862. Петровскъ.

* * *

Заря вечерняя ясна,
Съ цвѣтовъ чудесный запахъ льется,
Кругомъ въ природѣ тишина;
А у меня душа полна
Какихъ-то думъ и вдаль несется.

Носется въ даль тревожный духъ.
Какой-то грусти сердце проситъ.
Пусть все цвѣтетъ, живетъ вокругъ
Подъ жизнью вижу я недугъ,
Который эту жизнь подкоситъ.

26 Іюля 1862. С.-Петербургъ.

---

* * *

Много мыслей, все печальныхъ,
Въ душу мнѣ теперь тѣснится,
Много сновъ чудесныхъ, странныхъ
Въ часъ полуночный мнѣ снится.

Эти мысли, эти думы,
Эти странныя видѣнья
Часто мнѣ напоминаютъ
Дней прошедшихъ впечатлѣнья.

И встаетъ весь міръ прекрасный,
Міръ въ могилѣ сердца скрытый,
Міръ на вѣкъ уже погибшій,
Но душой не позабытый.

Октября 1861. Кузнецкъ.

---

* * *

Бываютъ дни, часы, минуты,
Когда изъ тайниковъ души
Какой-то силой непонятной
Давно дремавшіе въ тиши

Возникнутъ образы, видѣнья
И тѣ таинственные сны,
Что душу нѣжатъ и тревожатъ
Среди полночной тишины.

Изъ этихъ сновъ, грезъ и видѣній
Рукой красавицы мечты
Вдругъ образуются картины
Непостижимой красоты.

И чувствуешь, какъ льется, льется
Изъ безднъ души живой потокъ
И мнится міръ весь безконечный
Руками обнять я могъ.

И мысль летитъ, летитъ безъ цѣли.
Въ пучину вѣчности нѣмой,
И тонетъ въ безднѣ мірозданья
Съ какой-то сладкою тоской.

Августъ 1862. Кузнецкъ.

---

* * *

Я слышу вѣтра шумъ осенній,
Я вижу массы облаковъ;
Подернулъ небо голубое
Ихъ сѣрый сумрачный покровъ.
Я вижу голыя деревья,
И обнаженныя поля,
Однообразна и печальна,
Дождемъ смоченная земля,
Ты вновь осенняя природа
Своей печальной красотой
Напоминаешь мнѣ невольно
Все улетѣвшее съ мечтой:
А съ ней умчалось очень много
И милыхъ сновъ и чудныхъ грезъ,
Весна души и жизни радость
И даже горечь первыхъ слезъ.
Да, плакалъ я моей весною,
Не все въ грядущемъ для меня
Надежда звѣздочкой сіяла
И ждалъ я радостнаго дня.

Но вотъ прошла весна и осень
Своимъ дыханьемъ холодитъ
Мою обманутую душу
И что-то на сердцѣ лежитъ;
И это что-то до могилы
Не сниметъ свой холодный гнетъ.
Такъ жизни осенью суровой
Восторгъ весенній не придетъ.

1861. Кузнецкъ.

* * *

Подъ шумъ дождя и непогоды
Твой нѣжный голосъ пѣсню пѣлъ;
А у меня въ душѣ тревожной
Потокъ горючихъ слезъ кипѣлъ.

И эти слезы размывали
Полуизгладившійся слѣдъ
Одной несбывшейся надежды,
Мнѣ подарившей много бѣдъ.

Дитя, конечно, ты не знало,
Что твоей пѣсни тихій звукъ
Будилъ во мнѣ воспоминанье
Полузатихшихъ сердца мукъ.

Декабрь 1861. Кузнецкъ.

* * *

Пришла весна, цвѣтутъ цвѣты
И соловей въ лѣсу запѣлъ.
Но гдѣ же прежнія мечты?
Куда тотъ призракъ улетѣлъ,
Что душу радовалъ весной
И навѣвалъ златые сны?
Такъ наша жизнь — нашъ сонъ земной
Пройдутъ, но съ лучшей стороны
Незримо вѣетъ иногда
На насъ отрадою святой,
Блеснетъ надежда, какъ звѣзда
Своей небесной красотой.
Ко мнѣ весеннею порой
Слетаетъ грустный, кроткій духъ.
Онъ сновидѣній чудныхъ рой
Приноситъ мнѣ, какъ добрый другъ.
Онъ будитъ память и слезой
Больное сердце облегчитъ,
И передъ жизненной грозой
Мнѣ душу вѣрой укрѣпитъ.

1862. Кузнецкъ.

---

* * *

Когда въ минуту озлобленья
На низость, ханжество людей,

Я проклинаю духъ смиренья
И жажду битвы и страстей;
Передо мною величавый
И мрачный образъ возстаетъ.
Я вижу чей-то взоръ кровавый,
Я чувствую, мнѣ въ душу льетъ
Онъ непонятную отраву.
Ужасный хохотъ слышу я,
Онъ обращаетъ все въ забаву,
Въ немъ отрицанье бытія.
Предъ духомъ вѣчнаго страданья,
Безмѣрной гордости и зла
Надежды гаснутъ и желанья,
А душу обнимаетъ мгла.

1862. Кузнецкъ.

---

* * *

Кто жизнь свою въ борьбѣ провелъ,
Кто среди дня и въ мракѣ ночи
За правду бой кровавый велъ,
Кто смѣло смерти глянулъ въ очи,
Тотъ прожилъ здѣсь не безъ слѣда;
И становясь передъ могилой
Онъ, улыбнувшись, скажетъ: да,
Не разъ моей душевной силой
Я побѣждалъ моихъ враговъ,
Я падалъ въ прахъ и поднимался
И вновь на битву былъ готовъ.
Я идеалъ найти старался

Любви и правды, а теперь,
Какъ вѣчность предо мною встала,
Душа отъ страха не упала,
А сердце говоритъ мнѣ: вѣрь!
И вѣрю я, что въ лонѣ Бога
Найду я правды идеалъ.
И лишь о томъ моя тревога,
Чтобъ Вѣчный милость мнѣ послалъ.

1862. Кузнецкъ.

---

* * *

Когда пройдешь свой скорбный путь
И остановишься уныло,
Чтобъ облегчить больную грудь
Передъ отверзтою могилой —
Ты оглянись тогда назадъ
И встанетъ предъ тобой, блистая,
Какъ чудное видѣнье рая,
Любовь и молодость, и адъ,
Что предъ тобою раскрывался,
Исчезнетъ въ блескѣ красоты:
Не даромъ въ жизни ты скитался,
Страдалъ не даромъ въ жизни ты.
И, простирая въ вѣчность руки,
Увидишь лучъ любви иной:
И, позабывши жизни муки,
Съ надеждой ляжешь на покой.

1861. Кузнецкъ.

* * *

Когда душой усталой ищу я
Покоя и забвенія тревогъ
И жажду я и ласкъ и поцалуя,
Разсудокъ мой такъ холоденъ и строгъ.
Такъ говоритъ безжалостно: напрасно
Ты хочешь невозможное найти,
Все въ мірѣ только временно прекрасно
И нѣтъ такого гладкаго пути,
Гдѣ можно бъ было ѣхать безъ заботы
И наслаждаться вѣчно и мечтать.
Нѣтъ, вѣчный трудъ и вѣчныя работы
Тебя на каждомъ шагѣ будутъ ждать.
Знай, вѣчный миръ — простое обольщенье,
Иллюзія мечтательныхъ умовъ,
Вся наша жизнь — тревожное волненье
Съ придачею роскошныхъ, красныхъ сновъ.

1861. Кузнецкъ.

---

* * *

Борьба, ты начинаешь утомлять
Моей души обманутой терпѣнье.
Я знаю, что удѣлъ нашъ здѣсь страдать,
Но не насмѣшки грубой оскорбленье.

Все жизнь взяла, разбила, осмѣяла,
Таланта искра гаснетъ; мракъ кругомъ.
Гдѣ та звѣзда, что прежде мнѣ сіяла?
Все пронеслось какимъ-то чуднымъ сномъ.
Теперь остался трудъ сухой, однообразный.
Я знаю, не вкушу желаннаго плода
И, можетъ быть, другой счастливецъ праздный
Его сорветъ безъ думы и труда
И покоряется другой великой волѣ,
Что міръ ведетъ чрезъ бездну бытія.
Но не грустить нельзя о горькой долѣ
И думаешь: да что жь такое я?!
И на душѣ какъ будто брякнутъ цѣпи,
А сердце точно въ рабство продано.
И мечешься, какъ путникъ среди степи,
Гдѣ солнцемъ все до смерти сожжено.

1863. С.-Петербургъ.

---

* * *

I.

Я помню этотъ часъ; во тьмѣ ночной
Мы шли вдвоемъ, гонимые дождемъ.
Закрылось небо мрачной пеленой
И шумъ дневной стихалъ уже кругомъ.
Свѣтъ фонарей какъ будто въ мракѣ гасъ,
Лишь изрѣдка, гремя на мостовой,

Карета пронесется мимо насъ.
То ѣдетъ роскошь съ глупой головой,
Или развратъ, иль свѣта суеты
Эфирная и злая красота.

II.

Мы шли и шли; въ душѣ печальныхъ думъ
Такъ было много, что слова невольно
Застыли на губахъ, и ночи шумъ
Насъ заставлялъ дрожать, а сердце больно
Сжималося тяжелою тоской.
Но, чу! вдали веселья слышны звуки.
Я знаю, тамъ не радость, не покой —
Тамъ подъ улыбкой сердца скрыты муки,
Постыдный торгъ на честь тамъ заключенъ,
Бѣжитъ оттуда ночью тихій сонъ.

III.

И мы пришли. Надъ дверью я прочелъ
Ту пламенную надпись, что когда-то
Поэтъ великій видѣлъ и нашелъ,
Что нѣтъ ее печальнѣй; безъ возврата
Та пропасть поглощала; но теперь
Я видѣлъ въ ней не судъ неотвратимый.
Мнѣ сердце говорило тихо: вѣрь!
И вспомнилъ я тотъ образъ мой любимый,
Что счастіе душѣ моей дарилъ,
И бодро я въ веселый домъ вступилъ.

IV.

Дверь отворилась и на насъ пахнуло.
Какимъ-то душнымъ воздухомъ; кругомъ

Какъ будто бы веселье проглянуло.
Мы входимъ въ залъ; тамъ хохотъ, шумъ, содомъ.
Вотъ въ танцахъ пары рѣзвыя несутся;
Тамъ дѣвушка съ мужчиною сидитъ
Обнявшися; тамъ шепчутся, смѣются,
А на диванѣ ужь чета лежитъ.
Во всемъ свобода жизни, сладострастье,
Казалось, всѣхъ тамъ охватило счастье.

V.

Мы сѣли; къ намъ мгновенно подлетѣли
Двѣ нимфы, громко хохоча, и насъ
Онѣ увлечь въ безумный вихрь хотѣли,
И выставляя груди на показъ,
И позою играя сладострастной,
Онѣ насъ обдали потокомъ бурныхъ словъ.
Мы отклоняли ласки, но напрасно:
Эфирный соблазнительный покровъ
Готовъ былъ съ ней слетѣть, и мы упали
Въ ту пропасть, что недавно презирали.

VI.

Но страшно было наше пробужденье.
Я видѣлъ молодое существо;
Въ немъ одно страданье да презрѣнье
Къ самой себѣ. Какое колдовство
Сковало эту дѣвушку цѣпями —
Цѣпями рабства? Было отъ чего
Заплакать тутъ кровавыми слезами,
Но сожалѣнья мало одного,
Гдѣ нуженъ подвигъ былъ любви смиренья,
Чтобъ чудо совершилось обновленья.

VII.

И начала она разсказъ. Отецъ
Ея служилъ въ какомъ-то учрежденьи
И надъ бумагами снъ, наконецъ,
Изсохъ и одряхлѣлъ; вознагражденье
Рублей двѣнадцать въ мѣсяцъ, а семья
Была большая, пить и ѣсть просили.
И помню, мать моя, отецъ да я
Ночей безсонныхъ много проводили
На кропотливый бѣдный трудъ.
Богатые, вѣдь, много не дадутъ.

VIII.

Такъ жили мы. Разъ какъ-то въ день ненастный
Отецъ пришелъ измученный больной
И сѣлъ писать. О, помню, видъ ужасный
Страдальца бѣднаго! Въ тиши ночной
Его тяжелый кашель раздавался.
Всѣ къ утру мы заснули, наконецъ;
Но лишь зари лучъ первый показался
Проснулась я, и вижу: мой отецъ
Спокойно спитъ, склонившись подъ столомъ.
Но то былъ сонъ, которымъ всѣ заснемъ.

IX.

Черезъ мѣсяцъ мать ослѣпла ужь отъ слезъ,
А шесть сестеръ малютокъ голодали
Пришла зима, пришелъ злодѣй морозъ,
И надъ работой руки замерзали,
Насъ голодъ жалъ желѣзною рукой.
Разъ вечеромъ дверь тихо отворилась

И сердце мое сжалося тоской,
Когда предъ нами барыня явилась.
Купчихою назвавшися, она,
Въ салопѣ, сѣла чинно у окна.

X.

И вкравшися мнѣ въ душу, какъ змѣя,
Она мнѣ съ лаской денегъ предложила.
Я видѣла, какъ гибла мать моя,
Какъ разверзалась для сестеръ могила,
И я одно могла имъ всѣмъ принесть
Довольство и покой. Одно мгновенье
Я колебалась. О, что значитъ честь
Тому, чья жизнь лишь вѣчное мученье.
И помоливши я предала
Себя на муку и сюда пришла.

XI.

И вотъ я здѣсь. Продажное созданье,
Кто больше дастъ, тотъ и беретъ меня.
Пришелъ другой и новое желанье.
И такъ, какъ вещь, передаюся я.
За то я здѣсь обута и одѣта.
Мать умерла, а сестры разошлись,
И также, можетъ быть, какъ я, для свѣта
Игрушкою. О, сердце, веселись,
Вѣдь, все прошло, какъ смутный черный сонъ.
Чу, раздается гдѣ-то грустный звонъ.

XII.

И на лицѣ печальномъ я прочелъ
Великое страданье и смиренье.

На цѣлый свѣтъ я былъ душою золъ,
Я видѣлъ добродѣтели паденье,
Великій подвигъ жертвы совершенъ,
Но кто жь изъ свѣта сердца видѣлъ муки
И кто души разбитой слышалъ стонъ?
О, многіе! но не простерлись руки
Ни чьи, поднять младую красоту.
Будь проклятъ свѣтъ за злую суету!

XIII.

Но вотъ онъ всталъ, склонился передъ ней
И тихо ей сказалъ: будь мнѣ женою.
Блеснулъ слезой печальный взоръ очей.
Не мнѣ сродниться съ радостью земною.
О, вѣрьте мнѣ, ужь я осуждена,
Она ему отвѣтила, и грудь
Моя недугомъ смертнымъ сожжена,
Но геніемъ моимъ ты добрымъ будь
И уголъ дай, чтобъ я могла забыть
Все прошлое мое и всѣмъ простить.

XIV.

И помню я веселый этотъ домъ,
Гдѣ гнусный торгъ день каждый совершался,
Гдѣ страстію дышало все кругомъ
И наслажденьемъ. Но подъ всѣмъ скрывался
Развратъ ужасный, и какъ тонкій ядъ,
Онъ воздухъ наполнялъ, всѣхъ отравляя.
Есть на землѣ и въ этой жизни адъ.
Когда несчастье душу отрезвляя,
Мнѣ представляетъ кару нашихъ дней,—
Молюся я за бѣдныхъ жертвъ страстей.

*

XV.

Пусть тѣ, что такъ невинностью гордятся,
И тѣ, что передъ свѣтомъ такъ ханжатъ,
Взойдутъ въ печали домъ и тамъ вглядятся
Въ тѣхъ мученицъ, чья жизнь есть цѣлый адъ.
Пусть филантропы страшно содрогнутся,
Увидѣвъ нищеты и горя слѣдъ,
Ужасный слѣдъ. То мѣсто, гдѣ не льются
Печаль и слезы, но гдѣ каждый день
Отчаянья ложится гуще тѣнь.

1863. Петровскъ.

ФРАНЧЕСКО ДЕ-РИМИНИ.

Предо мною необъятный мракъ,
И адскій вихрь проноситъ чьи-то тѣни.
Я слышу стонъ, ужасной муки знакъ,
И въ этомъ стонѣ жалобы и пѣни.
И вотъ чета летитъ сквозь мракъ густой.
Я вижу женскій образъ, въ одѣяньи
Прозрачномъ, и печальной красотой
Ее лице все дышетъ, и страданье
Не выразится словомъ никогда.
О, это ты, Франческо де-Римини,
Погибшая по смерти навсегда,
Съ тобой твой другъ блуждаетъ средь пустыни.

Но въ чемъ печальная чета твоя вина
И за какой же грѣхъ, иль преступленье
Ты вѣчной мукѣ въ безднѣ предана?
Ужель за то, что страсти наслажденье
Вкусила ты съ возлюбленнымъ своимъ
Въ пылу любви, а черное созданье
Злодѣй уродъ, что мужемъ былъ твоимъ,
Нанесъ вамъ смерть и вѣчное страданье?
Ужель любовь такъ погубила васъ?
Но судъ свершенъ, и въ мракѣ безконечномъ
Вы страждете, но помните тотъ часъ,
Что въ бытіи земномъ и скоротечномъ
Блаженство далъ вамъ, и пусть цѣлый адъ
На васъ обрушится; но гдѣ могила
Чтобъ память погребсти, и пролетятъ
Вѣка надъ вами, страшная ихъ сила
Не можетъ въ прахъ стереть воспоминанья.
Пусть эта мысль, печальная чета,
Вамъ утоляетъ адское страданье.
А ты для насъ, земная красота,
Въ терцинахъ Данта вѣчно молодая,
Все будешь жить, пока жива любовь;
И талисманомъ чуднымъ обладая
Для жертвъ любви, взволнуешь нашу кровь.

1863.

---

* * *

Суровый образъ исполина,
Непобѣдимаго въ борьбѣ,

Стоитъ опять передо мною
И съ тайнымъ трепетомъ судьбѣ
Его дивлюсь я. Страшной силой
Онъ Русь толкнулъ на новый путь.
Но этотъ путь былъ путь страданья
И лжи во всемъ; и ноетъ грудь,
Когда исторіи страницы
Читаю я въ тиши ночной.
Я слышу звукъ цѣпей и крики,
Я слышу стонъ земли родной.
Кровавыхъ призраковъ мильйоны,
Съ клеймомъ позорнымъ на челѣ,
Изъ бездны прошлаго несутся
И исчезаютъ въ вѣчной мглѣ.
А его образъ величавый,
Невинной кровію облитъ,
Еще стоитъ на пьедесталѣ
И держитъ свой тяжелый щитъ.
Надъ нимъ проклятія несутся
И судъ исторіи гремитъ.
А надъ судьбой его чудесной
Вся Русь, задумавшись, стоитъ.

1864.

---

* * *

Вошелъ я въ садъ твой опустѣлый,
Взглянулъ на саванъ снѣговой,
И вотъ подъ гнетомъ думъ тяжелыхъ
Поникъ печальной головой.

Не много лѣтъ прошло, но много
Успѣло время сокрушить.
Ты отошла въ страну покоя,
Гдѣ только могутъ лишь любить.
Но на землѣ твой слѣдъ остался,
И вотъ въ душѣ твоей больной
Воскресли прошлаго видѣнья
Со всею прелестью земной.
Я вижу садъ, цвѣты, бесѣдки,
Уединенныя мѣста,
Гдѣ часто мы съ тобой гуляли,
Гдѣ насъ лелѣяла мечта.
Пускай заноситъ снѣгъ холодный
Старинный садъ, я вижу въ немъ
Твой восторженно-грустный образъ,
И сердце вновь горитъ огнемъ.

1864. Чухлома.

ОЖИДАНІЕ ВЕСНЫ.

Я жду тебя моя желанная,
Опять ты жизнью вновь пахнешь,
Пора любви благоуханная,
Цвѣты и зелень принесешь.

И свѣтомъ солнца животворнаго
Все оживится, запоетъ.
И рана сердца непокорнаго
На лѣто цѣлое замретъ.

И ночью теплою и звѣздною,
Въ саду гуляя съ кѣмъ-нибудь,
Любуясь неба чудной бездною,
Любовь вдохнешь, пожалуй, въ грудь.

1864.

---

* * *

Вдругъ что-то страшно стало мнѣ,
Когда я въ сердце заглянулъ.
Ужели жизнь пройдетъ во снѣ?
Зачѣмъ же даръ мой потонулъ
Въ болотѣ грязной суеты?
А въ жизнь я вѣрилъ, и любилъ
Міръ обольстительной мечты.
Теперь я все похоронилъ,
И страшно мнѣ, что жизнь пройдетъ
Безъ свѣтлыхъ грезъ и безъ страстей;
Что сердце смертнымъ сномъ уснетъ;
И длинный рядъ печальныхъ дней
Въ грядущемъ вижу я душой.
Такъ, значитъ, молодость прошла
И отлетаетъ геній мой,
Кругомъ ложится смерти мгла.

1863. Саратовъ.

---

* * *

Я слышу голосъ пѣсни звонкой —
То радость юная поетъ,
А горе хмурое сторонкой,
Согнувшись, медленно бредетъ.

О, обойди подальше горе,
Чтобъ не сойтися какъ-нибудь
Съ весельемъ свѣтлымъ на просторѣ —
Оно тебѣ раздавитъ грудь.

Иди себѣ твоей тропою,
Ты лишній на пиру земномъ.
Вся цѣль твоя — идти къ покою,
И лечь на ложе подъ крестомъ.

1862.

---

* * *

Не помяни меня укоромъ;
Въ душѣ бываетъ часто тьма,
Не бросилъ я тебя съ позоромъ —
Ты отказалася сама.

Сказать я могъ бы въ утѣшенье
Тебѣ довольно льстивыхъ словъ,
Но вѣдь обманъ — мое мученье,
Я лучше выстрадать готовъ.

Въ тотъ часъ, какъ сердце охладѣло,
Открылся я передъ тобой;
Глядѣлъ тебѣ я въ очи смѣло,
Благословлялъ тебя на бой.

1863.

---

* * *

Снилось мнѣ, что я сталъ снова
Беззаботное дитя,
Что я бѣгаю, рѣзвлюся,
Словомъ, жизнь веду шутя.

Что опять въ саду старинномъ
Я веду съ духами бой,
Сердце бьется, замираетъ,
Но доволенъ я судьбой.

Вотъ и старая бесѣдка,
Гдѣ вечернею порой
Чья-то тѣнь въ окнѣ мелькаетъ,
Дальше рѣчка подъ горой.

Всюду призраки видѣнья
И деревья и цвѣты.
Все наполнено чудеснымъ,
П созданьями мечты.

Вотъ и мельница, гдѣ ночью
Озаренный весь луной
Надъ волною поднимался
Бѣлый дядя водяной.

Дальше лѣсъ, гдѣ въ полночь страшно
Злобный лѣшій хохоталъ.
Я жь, услышавъ этотъ хохотъ,
Какъ-то сладко трепеталъ.

Все воскресло, что такъ было
Беззаботно и свѣтло,
Все, чѣмъ дѣтство такъ прекрасно,
Что давно уже прошло.

Я молилъ судьбу душою,
Чтобъ чудесный этотъ сонъ
Длился, длился безконечно,
Чтобъ замолкнулъ горя стонъ.

Но раздался злобный хохотъ —
Сердце кровью облилось.
Я проснулся, а видѣнье
Легкимъ дымомъ разнеслось.

1863.

* * *

Опять печальныхъ думъ полна
Болитъ душа, болитъ и тѣло;
Вновь тѣнью мрачной предо мной
Дыханье смерти пролетѣло.

Не смерти видъ меня страшитъ,
А то, съ чѣмъ смерть насъ разлучаетъ,
И вотъ горячая слеза
Ужь на рѣсницѣ застываетъ.

Откуда стужей ледяной
На сердце бѣдное пахнуло?
Зачѣмъ поблекла красота?
Иль, можетъ быть, она уснула?

Уснула, да; но этотъ сонъ
Съ его загадочной улыбкой
Невольно сердце намъ томитъ
И заставляетъ биться шибко.

Но я люблю порой ту грусть,
Что смерти образъ мнѣ приноситъ,
Онъ очищаетъ душу мнѣ
И отъ земли меня уноситъ.

1864. Чухлома.

* * *

Когда придетъ къ концу мой долгій путь
И стану я ногой на крышу гроба,
Желалъ бы я, чтобъ высохшую грудь
Мою оставили печаль и злоба.
Чтобъ я взглянулъ на жизни грустный пиръ
Съ любовью и прощальною слезой,
Чтобъ въ душу мнѣ сошолъ небесный миръ,
Чтобъ все прошло съ житейскою грозой.
Хотѣлъ бы я, чтобъ образы святые,
Которые такъ много я любилъ,
И сны и грезы жизни золотыя,
Все, все, за что судьбу благодарилъ,
Слетѣлися въ послѣдній часъ прощанья
Вокругъ меня веселою толпой.
Тогда забылъ бы я мои страданья
И въ вѣчности увидѣлъ бы покой.

1861.

---

* * *

День сумрачный, день горя и сомнѣнья
Набросилъ мнѣ на душу грусти тѣнь.
Проснулися заснувшія волненья
И мирная разрушилася сѣнь

Опять идутъ, какъ тучи грозовыя,
Предчувствія и горя и заботъ.
О, тяжелы копѣйки трудовыя,
А рабство страшно душу мнѣ гнететъ.
Когда же ты настанешь день свободы,
Когда я съ обновленною душой
Вновь брошуся въ объятія природы.
Увижу вновь сонъ дѣтства золотой?

1861.

---

* * *

Когда въ душѣ моей проснется
Неумирающій червякъ,
Что въ жизни памятью зовется;
Передо мной яснѣетъ мракъ,
Что вкругъ меня лежитъ, и думы
Потокомъ бурнымъ побѣгутъ,
И духъ грядущаго угрюмый,
И духи прошлаго встаютъ.
Владыки прошлаго смущаютъ
Мнѣ душу грустною мечтой,
О чудныхъ снахъ напоминаютъ,
О грезахъ жизни молодой.
А духъ грядущаго сурово
Твердитъ: смотри въ нѣмую даль,
Тамъ жизни цѣль, тамъ встрѣтишь сн
Любовь и радость и печаль.

Тамъ свѣтъ и тьма въ ужасной битвѣ.
Сразись за правду, и за свѣтъ,
И возносись душой въ молитвѣ
И въ жизни ты оставишь слѣдъ.

---

* * *

Народной пѣсни звукъ печальный
Я жадно слушалъ и ко мнѣ,
Какъ будто вздохъ страданья дальній
Вновь доносился въ тишинѣ.
И было въ этой пѣсни много
Тѣхъ безотчетныхъ грустныхъ думъ,
Что сердце смутною тревогой
Заставятъ биться, сдавятъ умъ;
И тамъ и здѣсь одно страданье
И всеобъемлющая грусть,
Тоска любви, воспоминанье —
Все, что мы помнимъ наизустъ.
Народа жизнь, народа слезы
Въ старинной пѣснѣ той слились
И историческія грозы
Передо мною пронеслись
Вся Русь страдалица вставала
Передо мной опять въ цѣпяхъ;
Въ неволѣ тяжкой изнывала
И разливалася въ слезахъ.

---

* * *

Для страданья сошлись мы съ тобою
На тернистомъ пути бытія,
Надъ твоею печальной судьбою
Много думалъ и мучился я.

Видно, горе сливается съ горемъ,
И слеза лишь дружится съ слезой,
Надъ житейскимъ бушующимъ моремъ
Мы несемся объяты грозой.

О, мой другъ, суждено намъ не даромъ
Тяжкій крестъ въ этой жизни нести,
Мы согнемся не разъ подъ ударомъ,
Но союзъ нашъ должны мы спасти.

Пусть кипятъ кругомъ страсти и злоба,
Только вѣруй, борьба не страшна.
Тамъ у двери таинственной гроба
Пристань вѣчнаго счастья видна.

1862. С.-Петербургъ.

---

* * *

Привѣтъ тебѣ, мой кровъ родной,
И вамъ родимыя могилы!

Я возвратился къ вамъ больной.
Въ груди еще бушуютъ силы,
Страстей слѣды еще горятъ,
Но отъ обмановъ и страданья
Въ душѣ скопился страшный ядъ,
И мнѣ ужь нѣтъ очарованья.
Вотъ надъ родимымъ очагомъ,
Склонясь усталой головою,
Сижу, а между тѣмъ, кругомъ
Все дышетъ страстію живою.
Природа празднично ясна;
Тепломъ весенній вѣтеръ вѣетъ;
Лугъ безконечный зеленѣетъ.
Прозрачна неба вышина.
Тамъ надъ цвѣтами полевыми
Другой мнѣ видится цвѣтокъ,
Съ очами темно-голубыми;
О, значитъ я не одинокъ.
Мое дитя — цвѣтокъ прекрасный,
Пусть счастіемъ блеститъ твой ликъ!
Жизнь для тебя не даръ напрасный,
И не напрасно міръ великъ.
Когда же къ вѣчному покою
Я отойду, мои глаза
Закроешь ты своей рукою,
И трупъ мой ороситъ слеза.

1862. С.-Петербургъ.

* * *

Я помню первый сонъ любви,
То было жизненной весной,
И грезы странныя мои,
Что обѣщали рай земной.

Какъ свѣта чудная игра,
Какъ блескъ вечернихъ облаковъ,
Была прекрасна та пора
Пора надеждъ, любви, цвѣтовъ.

И той порой явилась ты,
Какъ утра чистая роса,
Созданье милое мечты,
Вздохъ улетавшій въ небеса.

То былъ лишь мигъ одинъ святой,
Но онъ въ душѣ оставилъ слѣдъ.
Средь жизни грустной и пустой,
Онъ былъ мой щитъ отъ многихъ бѣдъ.

И пробуждалъ въ душѣ больной
Всѣ силы духа, и опять
Я вновь, какъ жизненной весной,
Могъ вѣрить сердцемъ и мечтать

1862. С.-Петербургъ.

* * *

Въ часъ ночной, моя малютка,
Предъ твоей стою кроваткой,
Охраняетъ ангелъ мира
Сонъ невинный твой и сладкій

Твои игры, лепетъ милый,
Чувствъ и мысли проявленья
Освѣжаютъ мою душу,
Навѣваютъ вдохновенья.

Твой же сонъ — эмблема мира,
Для души моей отрада.
Передъ образомъ молюся
И яснѣй горитъ лампада.

---

* * *

Много думъ печальныхъ и тяжелыхъ
На душѣ моей больной лежитъ,
Я напрасно ихъ прогнать стараюсь,
Сердце что-то все тоска щемитъ.

Я смотрю на жизни путь тернистый,
Я смотрю на будущаго даль,

И сомнѣнье вѣру омрачаетъ,
И въ душѣ лишь холодъ да печаль.

Сдѣлалъ я въ прошедшемъ очень мало,
А теперь душа какъ будто спитъ;
Жизнь же все становится тяжеле;
Гдѣ найти отъ бѣдъ и горя щитъ?

Прилетитъ ли снова вдохновенье,
Оживитъ ли радость сердце мнѣ,
Возвращусь ли я въ мой край родимый,
Иль въ чужой погибну сторонѣ?!

Такъ въ душѣ смѣняетъ дума думу,
За вопросомъ слѣдуетъ вопросъ.
А судьба молчитъ и равнодушна
Ко всему, что стоитъ много слезъ.

1862. Кузнецкъ.

---

* * *

Въ чужой семьѣ пришлецъ суровый
Онъ съ непріязнью встрѣченъ былъ.
Лакейства, пошлости оковы,
Насмѣшкой грозной онъ разбилъ.
Онъ говорилъ имъ про свободу
И лживость чувствъ ихъ обличалъ:
Любилъ науку и природу,
И блескъ и роскошь презиралъ.

Имъ стали правды страшны рѣчи,
Имъ подлость въѣлась въ плоть и кровь,
Они не ждали грозной встрѣчи,
Имъ тяжела была любовь
Безъ льстивыхъ словъ и безъ обмана.
И встали всѣ они толпой
Противъ того, кто изъ тумана
На свѣтъ ихъ вывелъ. Жизни бой
Ему знакомъ былъ, и страданье
Съумѣлъ онъ гордо перенесть,
Погибнуть былъ готовъ за честь,
И за святое упованье.
Но вотъ онъ встрѣтилъ кроткій взоръ
И дружбы чистое участье
И отъ чего-то съ этихъ поръ
Вдругъ ослабѣлъ. Чужое счастье
Боялся вѣчно онъ разбить.
Безъ жертвы онъ не могъ любить;
И вотъ томимъ тоской глубокой,
Чтобъ облегчить души недугъ,
Онъ бросилъ все, и въ путь далекій
Унесъ и страсть и гордый духъ.

1864. Чухлома.

---

* * *

Бываютъ горькія мгновенья,
Когда разбитая душа
Просила вѣчнаго забвенья
И все, чѣмъ жизнь лишь хороша.

Все такъ казалося ничтожно,
Во всемъ я видѣлъ суету,
Миръ принималъ за призракъ ложный,
За сновидѣнье, за мечту.

Тогда-то въ грозный часъ крушенья
Души моей послѣднихъ силъ
Одно великое моленье
Я къ высшей силѣ возносилъ.

Молился я за упованье
Въ безсмертье духа, въ небеса
И утолялося страданье
И съ глазъ катилася слеза.

1864. Чухлома.

---

* * *

Когда въ раздумьи ты сидишь
И на устахъ скользитъ улыбка,
Я знаю не спокойна ты
И сердце бьется шибко, шибко.
И прошлое передъ тобой
Съ своею радостью невинной
Ты видишь молодость свою.
И лугъ, и садъ, и домъ старинный.
Но вотъ темнѣетъ неба сводъ
И бурный вихорь налетаетъ,

Онъ дорогое все крутитъ,
Надежды сердца разбиваетъ.
Затѣмъ, тяжелый скорбный путь,
Потомъ томительныя ночи,
Потоки горькихъ жгучихъ слезъ,
Что разъѣдали твои очи.
Все это видишь ты порой
И улыбаешься печально.
Твоя улыбка тяжела,
Какъ свѣтъ отъ свѣчки погребальный.

1864. Чухлома.

КЛЕВЕТА.

Когда мечъ грозный херувима
Гордыни духа поразилъ,
Тогда исполненъ злобной мести
По каплямъ ядъ онъ свой излилъ.

Изъ этихъ капель ядовитыхъ
Всѣ страсти черныя взошли
И много горя и страданій
Отъ нихъ осталось для земли.

И между ними, величаясь
Своею адской красотой,
Живутъ двѣ злобныя сестрицы:
Измѣна съ черной клеветой.

Чтобъ сокрушить любовь и счастье
И миръ нарушить дорогой,
Тутъ клевета-змѣя готова,
И извивается дугой.

И сыплетъ ласковыя рѣчи,
И въ душу льется, точно медъ,
А между тѣмъ, рукой холодной
Ядъ разрушительный свой льетъ.

И тамъ, гдѣ адское дыханье
Ея оставитъ страшный слѣдъ,
Тамъ больше нѣтъ уже надежды,
И больше счастія тамъ нѣтъ.

1864. Чухлома.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
00023289519